

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#2 2020

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

**Философия
и психология риска**

**Образование
и развитие личности**

**Лингвистические
штудии**

**Социальные проблемы
и стратегии их решения**

*Марк Мандерс. Рабочий стол, 2012-2013.
Фрагмент скульптурной композиции.*

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Юценкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета

Попов В.Д., доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления государственного университета «Дубна»

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им.Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

выпускающие редакторы номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

С.В. Шешунова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики Государственного университета «Дубна»

С.Г. Бунина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права Государственного университета «Дубна»

Д.В. Юценкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Содержание

Философия и психология риска

Король М.П. Постсоветская Россия в модальности «общества травмы»: критические аспекты..... 3

Тарасова С.Ю., Асриян А.А. Картина тревожности и агрессивности подростков, обучающихся в образовательных организациях разного типа..... 10

Образование и развитие личности

Галеева Я.А., Рощина И.Ф. О влиянии перьевой каллиграфии на когнитивную сферу младших школьников..... 20

Лингвистические штудии

Волкова С.Б. Лексема *finger* в составе английских фразеологизмов..... 32

Соколова А.В., Волкова С.Б. Английские заимствования в общественно-политическом контексте и их значение в русском языке..... 39

Дасько А.А. Соматизм «борода» в русском языке..... 47

Социальные проблемы и стратегии их решения

Виноградова О.Е. Диверсификация услуг и сервисов как стратегия конкуренции в социальной сфере..... 56

Долгорукова И.В., Мотакова Т.В. Социокультурные детерминанты корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области..... 64

Фомина Л.А. Социально-психологические аспекты социализации детей с нарушениями развития речи..... 79

Философия и психология риска

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-3-9

УДК 304.9

М. П. Король

Постсоветская Россия

в модальности «общества травмы»: критические аспекты

Аннотация:

Социокультурная реальность современной России рассматривается через призму комплекса характеристик «общества травмы». Поиск путей выхода из состояния общества травмы подводит к осмыслению феномена социального государства, которое призвано регулировать дистанции, находить баланс справедливости, формировать пространство человека как достойное жизни. Тем самым раскрывается гуманистическая сущность социального государства, основанного на взаимной ответственности власти, общества и отдельного человека. Устанавливается, что преодоление противоречий между закрепленными правами и их реальной реализацией – основа решения проблем функционирования социального государства, а тем самым и выхода из состояния общества травмы.

Ключевые слова: постсоветская Россия, «общество травмы», реформы, приватизация, элита, социальное государство

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Современная социальная реальность выступает своеобразным «Монбланом фактов», массив которых подлежит научной рефлексии, что позволяет ученым, используя разнообразные методологические процедуры, раскрывать причины изучаемых явлений, выражать различные способы понимания событий и процессов. Тем самым формируется социальный дискурс как «пестрое мозаичное панно, отражающее различные по величине,

цветовой гамме, конфигурации составляющие» [6, с. 3]. Надо заметить, что при всем многообразии концептуальных схем в теоретической организации материала сохраняется определенная устойчивость, в которой немаловажную роль играет единый понятийный словарь как средство выражения идей и продуктивной научной коммуникации. Безусловно, понятийный аппарат усложняется и дифференцируется вследствие многих причин. Так, например, развитие науки, в ее междисциплинарном измерении, открывает возможность социальным наукам ассимилировать понятийный аппарат естествознания, наполняя его новыми смыслами.

Кроме того, поскольку современная социальная реальность обладает крайним динамизмом, возрастающей скоростью изменений, которые приводят к глубинным изменениям в базовых инфраструктурах общества, к появлению новых феноменов, не имеющих корней в прошлом, это оставляет за учеными «право на терминологическую новацию» [8, с. 4].

К такой терминологической новации, которая стала методологическим инструментарием для объяснения социальных контекстов конца XX – начала XXI вв., можно отнести понятие «общество травмы». Данный конструкт характеризует не столько динамику общественного развития, сколько состояние общества. «Общество травмы», введенное в социологическую теорию Ж. Т. Тощенко [9], наряду с такими емкими метафорами, как «социология жизни», «парадоксальный человек», «кентавр-проблема», «фантомы общества», позволяет высвечивать критические аспекты жизни российского общества.

Следует заметить, что в социологии первыми обратились к понятию «травма» (от греч. trauma - повреждение организма, вызванное внешним воздействием) такие ученые как Дж. Александер и П. Штомпка. Поскольку термины могут быть полисемичны, то в интерпретации Дж. Александера понятие травмы рассматривалось в контексте Холокоста [1], где травма – страдания, беспомощных людей, не имеющих возможности противостоять адской машине уничтожения. П. Штомпка использовал понятие травмы для обозначения и лучшего понимания негативных последствий социальных изменений, в частности, социально-психологического состоянию общества, переходного из социализма к капитализму [11], трактуя это состояние как культурную травму.

«Общество травмы» - более обширная метафора по сравнению с «культурной травмой». Смысловое значение общества травмы раскрывается через комплекс характеристик, формируя параметры восприятия и осмысления эмпирического материала:

- в обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех экономических рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития;
- в обществах травмы произошел неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства;
- особую роль приобретает деятельность политических и экономических факторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы;
- обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений;
- у общества травмы отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития [9].

Попытаемся через призму данных характеристик рассмотреть социальную реальность современной России, которая сложилась на основе макросдвигов крушения структур социалистической системы в 90-е гг. XX в.

Итак, для рассмотрения первой характеристики используем Индекс человеческого развития (ИЧР) — это интегральный показатель, которым измеряются достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода её граждан. ИЧР является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов, и Генеральная Ассамблея ООН признает его как независимый интеллектуальный инструмент повышения осведомленности о человеческом развитии во всем мире.

В конце 1980-х гг., когда в нашей стране началась «перестройка», сопряженная с радикальными реформами и поисками путей перехода к рынку, общество испытывало большие экономические трудности. Но даже в этот сложный период Россия входила по ИЧР в группу высокоразвитых стран, правда, находясь ближе к концу соответствующего списка. За 90-е гг. реформ она из этого списка выбыла, сместившись с 52 на 72 место,

«закрепившись» на нем вплоть до 2000 г. В Отчете развития человечества за 2018 г. Россия занимает 49 место [12].

Вторая характеристика о социальном неравенстве высвечивается через анализ социальной структуры, которая сложилась в России вследствие «неудачного дизайна российской приватизации» [5, с. 46].

Очевидный факт, что абсолютное равенство невозможно, да и не нужно, поскольку умеренная социально-экономическая дифференциация мотивирует представителей групп населения с низкими доходами к стремлению продвижения вверх по социальной лестнице, оказывая положительное влияние на развитие общества. Однако реализованная модель приватизации в ходе реформ Ельцина – Гайдара имела своим следствием стремительное расслоение общества, где привилегированное меньшинство оказалось открыто богатым, о чем свидетельствуют цифры, приводимые в публикациях ряда ученых: «47% жителей нашей страны имеют доход, на который, по их оценкам, жить трудно или очень трудно. Такого масштаба неблагополучия нет ни в одной из стран, участвующих в опросе (от 28% в Чехии до 5% в Норвегии)» [3, с.14]. А вот по числу долларовых миллиардеров, Россия стабильно находится в группе стран-лидеров. В этой связи необходимо подчеркнуть, что «широкой публике не известны примеры крупных состояний, образованных на основе прорывных инноваций. Формирование этих состояний, притом в рекордные по историческим меркам сроки, объяснимо главным образом с учетом предпочтений в распределении государственной собственности и доходов» [4, с. 77].

Третью характеристику о несогласованности и противоречивости действий элит, которые связаны с их эгоистическими интересами, можно обосновать неоднородной структурой российской элиты, которая складывалась в переходный период от социализма к капитализму. В традиционные элиты, сформированные еще в советский период, такие как военная, спецслужбы, быстро интегрировалась финансовая олигархия, которая открыто стала претендовать на политическую власть. С течением времени, каналы обновления элиты были тромбированы отсутствием системы естественного конкурентного отбора, пронизанностью родственных отношений, что придало ей кланово-сетевой характер.

Кроме того, неумение различных элитных групп искать компромиссы в решении государственных проблем, отсутствие у многих из них приоритета этических норм общественного блага над личными интересами, патронажные практики порождали в обществе недоверие к власти.

Эскиз образа российской элиты помогает понять, почему у российского общества (как общества травмы) отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития. Большинство россиян критично настроены относительно достижений в области демократических прав, свобод и экономической ситуации. Эти представления, разделяемые большинством населения, формируют национальный опыт, существенно влияя на отношение людей к текущим событиям, что подтверждается опросом, проведенным ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2017 г.). Были опрошены 4000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жители всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявшие основные социально-профессиональные группы населения. Как показал опрос, «в восприятии потерь постсоветского общества россияне едины: и относительные, и абсолютные потери видятся одинаково вне зависимости от возраста» [7, с. 37].

Со времен «Левиафана» Т. Гоббса оформилось представление о том, что для сохранения своих жизней и наступления мира люди заключают общественный договор, делегировав свои права тому, кто установит мир и безопасность – Левиафану. Имя библейского чудовища Т. Гоббс использовал для образа могущественного государства как гаранта мира и безопасности. Если политическая элита в лице государства не только декларирует, но культивирует демократические принципы, то гарантом мира и безопасности служит Конституция. Однако анализ текущих событий последних десятилетий приводит к мысли о том, что государство не только перестало играть роль защитника и стража порядка, но стало одним из агентов, «которые совместными усилиями возводят незащищенность, неопределенность и ненадежность в ранг перманентных условий человеческого существования» [2, с. 35]. По сути, процессы модернизации, начатые в 90-е гг. XX в., весьма относительно приблизили российское общество к модели социального государства, принципы которого имеют нормативный статус и закреплены в статье 7 Конституции РФ.

Данная модель призвана создать условия для взаимной ответственности государства, бизнеса и гражданского общества за развитие социальной сферы, гарантируя социальную защиту, благополучие, достоинство, процветание граждан. Это сделало бы возможным «преодоление с одной стороны, недостатков капитализма в сфере обеспечения

социальной справедливости, а с другой стороны, недостатков социализма в сфере предоставления свободы» [10, с. 5].

Можно предположить, что преодоление противоречий между декларируемыми нормами и их реальной наполненностью –направление в решении проблемы создания социального государства, а тем самым и выхода из состояния общества травмы.

Если рассматривать историю России в формате синергетической парадигмы, с принципами нелинейности, многовариативности, возможности выбора оптимального пути, то ее путь преломляется множеством точек бифуркации, когда приобретает новое качество в движении динамической системы. Остается надеяться на то, что события января 2020 г. стали именно той самой точкой бифуркации, открывающей новую социально-политическую траекторию в преодолении противоречий между декларируемыми нормами и их реальной наполненностью, т.е. в возможности найти выход из состояния общества травмы. Ведь надежда на лучшее — это самая традиционная ценность российского общества.

Библиографический список:

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: «Праксис», 2013. 640 с.
2. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с. (Серия «CrossRoads»).
3. Беляева Л.А. Социальное государство в современной России: ожидания и реальность // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 11-16. DOI: 10.31857/S004287440007345-4
4. Власов Ф. Необходимость и пути гармонизации социально-экономических отношений в России // Общество и экономика. 2018. №6. С.75-94. DOI: 10.7868/S0207367618060055
5. Григорьев Л., Курдин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 36-62.
6. Зборовский Г.Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. №4. С. 3-15.
7. Латова Н.В. Достижения и потери постсоветской трансформации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 27-39. DOI: 10.31857/S013216250002783-4
8. Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3-9.
9. Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16-26.
10. Федотова В.Г. Социальное государство и хорошее общество // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 5-10. DOI: 10.31857/S004287440007344-3
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
12. Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update [Electronic resource].

URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf
(Access: 03.04.2019).

Korol M.P. Post-Soviet Russia in the “society of trauma” modality: critical aspects

The socio-cultural reality of modern Russia is considered through the lens of the complex of characteristics of the “society of trauma”. The search for ways to get out of the “society of trauma” leads to an understanding of the phenomenon of the social state, which is intended to regulate social distances, to find a balance of justice, shape a person’s space as worthy of life. This reveals the humanistic essence of the social state.

Keywords: post-Soviet Russia, “society of trauma”, reforms, privatization, elite, welfare state

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-10-19

УДК 159.9

С. Ю. Тарасова, А. А. Асриян

Картина тревожности и агрессивности подростков, обучающихся в образовательных организациях разного типа

Аннотация:

За последние годы увеличилось число (ауто)деструктивных, агрессивных проявлений среди школьников, детей и подростков. Причем, данное явление наблюдается в различных образовательных организациях, при различных системах обучения. Цель настоящего пилотажного исследования – выявление закономерных взаимосвязей агрессивности и самооценочной тревожности подростков в образовательных организациях разного типа. При этом нас интересуют проявления адаптивного и дезадаптивного перфекционизма. Можно сделать следующие предварительные выводы. Подростки группы риска по враждебности в сельской и так называемой «девиантной» школах имеют проблемы самооценки и изолированы в социальной группе (классе) (результаты статистически значимы). В гимназии, как и в других школах в нашей работе, у подростков группы риска по враждебности отмечены трудности в межличностных отношениях (результаты статистически значимы). Однако в гимназии важным фактором становится дезадаптивный перфекционизм.

Ключевые слова: агрессивность; враждебность; самооценочная тревожность; перфекционизм; деструктивные тенденции личности; высокие способности

Об авторах: Тарасова Софья Юрьевна, кандидат психологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; Психологический институт РАО, старший научный сотрудник; эл. почта: syutarasov@yandex.ru

Асриян Анна Ареговна, Государственный университет «Дубна», студент 6 курса кафедры клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук.

За последние годы увеличилось число аутоагрессивных проявлений среди школьников, детей и подростков (намеренные самоповреждения, передозировка токсических веществ и т.п.). Причем, данное явление наблюдается в различных образовательных организациях, при различных системах обучения. Если говорить о завершённом суициде в России, то за последние 20 лет он составил более 20 случаев на 100 тысяч населения [1, с. 5]. Как и во всем мире, наиболее высокий рост частоты самоубийств отмечен среди лиц молодого возраста (в интервале от 10 до 24 лет). Важно то, что каждому завершённому суициду предшествует ряд аутоагрессивных проявлений. Но каковы психологические маркеры таких дезадаптивных состояний школьника? И возможно ли их своевременное выявление?

Методология

Ранее мы выявили группу риска по школьной тревожности и дезадаптации, которую можно описать следующим образом: благополучные, неадекватно тревожные дети. У них хорошие успеваемость, внешность, положение в коллективе, но эти ученики демонстрируют устойчивое наличие разлитой тревоги. С одной стороны, конфликтность самооценки заставляет стремиться к успеху, с другой – ведет к постоянным сомнениям: «не мало ли я добился». Я-реальное никогда не приближается к Я-идеальному, порождая бесконечный путь улучшения себя вплоть до психофизического истощения и «срыва» адаптации. Физиологическим маркером этого состояния дезадаптации является высокий уровень кортизола в пробах слюны. Группа риска на протяжении всего школьного обучения стабильно составляет 30-35% детей и подростков. Эти же школьники, по результатам включенного наблюдения, консультативного наблюдения, склонны к аутоагрессивному поведению. Причем, порой неожиданно для классного руководителя и родителей. Мы назвали эту группу риска «дезадаптивные перфекционисты». Существует идея разделить перфекционизм на здоровый и патологический, нормальный и невротический, адаптивный и дезадаптивный. Если адаптивный является характеристикой вполне гармоничной личности, стремящейся к успеху, то дезадаптивный не приносит человеку переживания радости от собственных достижений.

Цель настоящего *пилотажного исследования* – выявление закономерных взаимосвязей агрессивности и самоценочной тревожности подростков в образовательных организациях разного типа. При этом нас интересуют проявления адаптивного и

дезадаптивного перфекционизма. Мы предположили, что в группе риска по самооценочной тревожности показатели агрессии и враждебности положительно коррелируют с показателями дезадаптивного перфекционизма. У этих же подростков будут наблюдаться (ауто)деструктивные личностные тенденции. Кроме того, предположили, что высокие значения по шкале перфекционизма будут взаимосвязаны с высокими способностями школьников. Следует отметить, что в нашей стране методика перфекционизма в модели Слейни является достаточно новой [2; 3, с. 235; 4; 5, с. 30; 6, с. 1725; 7, с. 295; 8, с. 230; 9, с. 217; 10, с. 130]. В нашей работе проводится ее дальнейшая апробация.

Материалы и методы. Были использованы следующие методики. Методика изучения Образа Я для лиц 12-17 лет (А.М. Прихожан). Методика Басса-Перри – русскоязычная версия ВРАQ (А. Buss, М. Perry). Шкала перфекционизма APS-R в модели Слейни (в адаптации С.Н. Ениколопова). Тест руки Вагнера. Незаконченные предложения. Фигурный субтест Торранса. Серия лингвистических тестов (М.К. Кабардов). Наблюдение и беседа. Патопсихологическое обследование. Также учителя предоставили оценки необычности поведения школьников.

Исследование проводилось на базе 4-х образовательных организаций разного типа: государственный университет «Дубна», две образовательные организации в г. Дмитрове (общеобразовательная школа (с так называемыми девиантными классами) и гимназия в г. Дмитрове) и сельская школа в Московской области, под г. Дмитровом. Отметим, что в две из этих школ учащихся отбирают. В гимназию администрация предпочитает принимать детей и подростков с высокими способностями, нормативной успеваемостью по основным предметам и прилежным поведением. В общеобразовательной школе с «девиантными» классами учатся дети из «трудных семей», нередко находящиеся в поле зрения органов опеки и попечительства. В исследовании приняли участие 60 учащихся 8-х и 11-х классов и 20 студентов университета «Дубна». Всего 35 мальчиков и 45 девочек. Тест руки Вагнера, методика «незаконченные предложения» проводились в рамках патопсихологического обследования с каждым учащимся индивидуально. Фигурный субтест Торранса добавлен в батарею методик потому, что помимо высоких способностей, он позволяет оценивать (ауто)деструктивные тенденции личности.

Результаты и их обсуждение

В работе обнаружены корреляции для психологических методик. В общеобразовательной школе показатели физической агрессии отрицательно связаны с оценкой своего поведения как нормативного ($r = -0,54$, $p < 0,05$). Подростки группы риска по враждебности низко оценивают собственные интеллект ($r = -0,58$, $p < 0,05$) и умение общаться ($r = -0,77$, $p < 0,001$). В данном случае представления соответствуют реальной картине: согласно экспертным оценкам учителей и результатам социометрии враждебные школьники являются изолированными в социальной группе (классе) ($r = 0,52$, $p < 0,05$).

Сходные результаты получены в сельской школе. Подростки группы риска по враждебности не уверены в себе ($r = -0,63$, $p < 0,05$). При этом, неуверенные в себе подростки низко оценивают свои интеллектуальные способности ($r = 0,68$, $p < 0,05$). Так же, как и в общеобразовательной школе, в данном случае представления соответствуют реальной картине: враждебные школьники являются изолированными в социальной группе (классе) ($r = 0,69$, $p < 0,05$). Таким образом, подростки группы риска по враждебности в сельской и так называемой «девиантной» школах имеют проблемы с самооценкой и изолированностью в социальной группе (классе) (результаты статистически значимы). Среди важных факторов по методике изучения Образа Я А.М. Прихожан – внешность, положение в семье и счастье как удовлетворенность жизнью – в обеих школах. У этих же подростков, согласно патопсихологическому обследованию, отмечены выраженные (ауто)деструктивные тенденции.

Опишем случай мальчика Ф.М., ученика 8 класса сельской школы из группы риска по агрессивности (самые высокие показатели по опроснику Басса-Перри). На подростка, который начинает «переходить все границы», постоянно жалуются учителя и одноклассники. За неделю до первой встречи с Ф.М. он зажигалкой, принесенной с собой в школу, нагревал ключ от квартиры и прижигал им одноклассников. Учителя также отмечают, что Ф.М. часто приносит в школу острые, режущие предметы, и всё время ходит с лезвием во рту. Социальная ситуация развития такова: Ф.М. проживает с матерью, отчимом и младшей сестрой. С биологическим отцом связь не поддерживает. Со слов учителей, 2 года назад Ф.М. пережил семейную трагедию. 1 января 2016 г. мальчик со своим младшим братом решил поиграть в «снежки» дома, комкая бумагу и имитируя снежок. Ребята увлеклись игрой, и один из снежков попал за микроволновую печь. Произошло короткое замыкание, и бумага загорелась. Младший брат Ф.М. побежал на второй этаж

звать на помощь маму, которая находилась в комнате с младшей сестрой мальчиков. Узнав о пожаре, она сказала брату и сестре Ф.М. сидеть в комнате, а сама спустилась тушить пожар. Ей не удалось этого сделать, и огонь распространился по всему дому. Понимая, что нужно спасаться, мать вытолкнула Ф.М. в окно и сама, будучи беременной, прыгнула следом. Двоих детей, находившихся на втором этаже, спасти не удалось. После случившегося она долго винила в произошедшем Ф.М. В настоящее время обида на старшего сына немного прошла.

Описывая результаты теста руки Вагнера и тематического апперцептивного теста, можно отметить следующее: агрессивные и доминантные тенденции у Ф.М. преобладают над установками на социальное сотрудничество. Это свидетельствует и о большой степени враждебности. Приведем примеры ответов по тесту руки. Предлагая обследуемым в качестве визуальных стимулов изображения руки, выполняющей разные действия, можно сделать выводы о тенденциях личности обследуемых. Задается вопрос: «Что делает человек, которому принадлежит эта рука?». Методический прием, положенный в основу теста руки, заключается в том, что человека просят дать интерпретацию содержания действия, представленного в виде «стоп-кадра» изображения кисти руки. Предполагается, что сам выбор этого вида активности происходит по механизму проекции и в значительной степени определяется актуальным состоянием обследуемого и его мотивами.

Ответы Ф.М.: «Человека убивает, вот так, по кадыку», «Гипс накладывает, человека убил», «Фонарик и мужик в потёмках, дождь ещё идёт. Чувак вышел из дома и пошёл за своей жертвой. Он маньяк, убьёт человека первого попавшегося. Но не ребёнка, женщину или мужчину, всё равно», «Кто-то спит или кто-то мёртвый. Вены себе порезала, самоубийца. Кто-то её обидел, она пришла домой, взяла ножик, порезала вены и умерла. Дьявол пришёл и её забрал в ад, она там будет гореть. Самоубийцы всегда в ад попадают», «Пацан поднимается на кран. Он выполняет какое-нибудь задание из «синего кита». Он его не выполнит, потому что он трус, не сможет прыгнуть вниз». **Тема убийства присутствует и по результатам методики «незаконченные предложения». Например:** «Я сделал бы всё, чтобы забыть пожар», «Я был бы намного счастливей, если бы не пожар», «Мой отец редко был дома», «Надеюсь на смерть», «Если все против меня, то я всех бью». **В беседе самостоятельно рассказал,** что играет в игры «убей себя» и «синий кит». Мальчик рассказал, как выполнял задания, приходящие ему из игр. Пробежал перед двумя

КАМАЗами и залезал на строительный кран, за что получал деньги. Ф.М. также заверил психолога, что очень опасные задания, выполняя которые можно было умереть, он не делал. ***Добавим, что силами выпускников кафедры клинической психологии университета «Дубна» подростку была оказана психологическая помощь.***

Мы пришли к предварительному выводу, что существенных различий картин тревожности и агрессивности в двух школах (сельской и так называемой девиантной) не наблюдается. Не обнаружено статистически значимых различий по агрессии и тревожности между городской и сельской школой. Однако выявлена тенденция: в сельской школе оценка учащимися школьной ситуации выше ($p = 0,06$). Это может быть связано с тем, что сельская местность менее развита в плане развлечений и досуга подростков, технологических удобств современной жизни, так называемой цифровизации. Школа для подростков небольшого села – одно из значимых мест, где они могут общаться с друзьями, участвовать в различных мероприятиях и «отдохнуть от дома и родителей». Учебный процесс не подразумевает обязательное использование компьютеров и интернета. Поэтому школа воспринимается учениками не только как место получения знаний, но и как круг общения. В свою очередь, ученики городской школы имеют более завышенные требования в плане технологического оснащения процесса обучения. Новые школьные технологии обязывают учеников иметь доступ в сеть интернет, смотреть домашнее задание, новости и отметки в электронном дневнике, что закономерно способствует снижению уровня реального общения. Мобильный телефон используется более интенсивно, чем в сельской школе. Учителя не могут уделять достаточное количество времени и внимания подросткам из-за бумажного вала. Поэтому учениками городской школы школьная ситуация не воспринимается как благополучная, они не получают достаточного внимания и адекватного, полноценного общения в школе, которое необходимо человеку в этом возрасте (особенно с учетом уже отмеченного девиантного поведения). Можно, видимо, говорить о побочных эффектах перехода на цифру для психического, личностного здоровья подростков.

Сходная картина получена в студенческой группе. Гнев и враждебность отрицательно коррелируют с ситуацией в группе ($-0,66$ и $-0,64$ при $p < 0,05$).

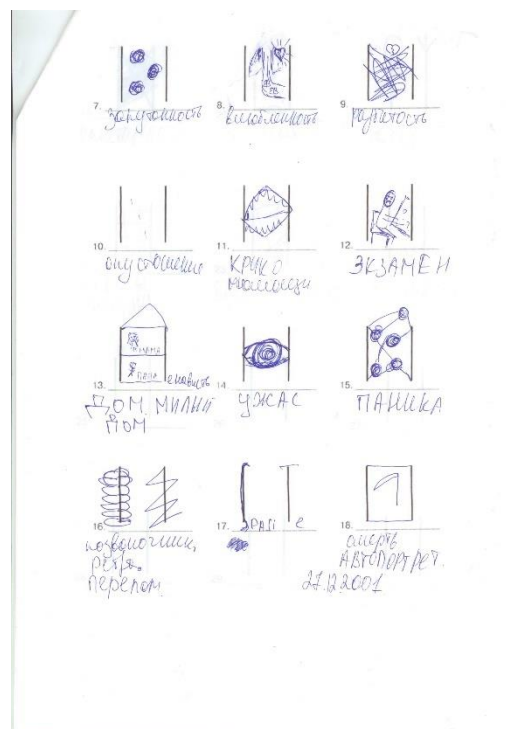
Иная картина в гимназии. Обнаружено несколько сильных статистически значимых связей между показателями методики Басса-Перри и дезадаптивного перфекционизма. Так, показатели физической агрессии и гнева взаимосвязаны с показателем отношений в

опроснике перфекционизма (трудности в межличностных отношениях вследствие завышенных собственных стандартов). Показатель враждебности связан с показателем прокрастинации, неспособности сделать выбор, начать действовать. Между показателями враждебности и трудностей в отношениях также сильная корреляция. Как и в других школах, была выявлена группа риска. Таким образом, в гимназии, как и в других школах, у враждебных подростков имеют место трудности в межличностных отношениях (результаты статистически значимы). Однако в гимназии важным фактором становится дезадаптивный перфекционизм. У этих же подростков, согласно патопсихологическому обследованию, выражены (ауто)деструктивные тенденции (в том числе по субтесту Торранса). Опишем два типичных случая из группы риска из гимназии г. Дмитрова.

Случай 1. Девочка 17 лет с самыми высокими значениями по шкале «несоответствие» в опроснике перфекционизма, что говорит о несоответствии собственным стандартам. Трудности в межличностных отношениях вследствие завышенных собственных стандартов тоже высокие. Дополнительно был проведен тест личностной тревожности Спилбергера в адаптации А. С. Кузнецовой, по результатам которого обследуемая попадает в группу риска по тревоге (пограничное состояние, т.е. уровень невротизации). Кроме того, несоответствие своим внутренним стандартам прослеживается в методике «незаконченные предложения». Например: «Лучше всего мне учиться с людьми одного уровня знаний со мной», «В школе мои учителя недооценивают мои способности», «Люди, с которыми я учусь, слишком умные». «Думаю, мой отец редко бывает заботливым», «Я могла бы быть очень счастливой, если бы была больше собой в общении с другими людьми», «По сравнению с большинством других семей моя семья слишком религиозна», «В детстве я верила в Бога. Слишком». По результатам серии лингвистических тестов (М. К. Кабардов), у девочки высокие лингвистические способности. По результатам субтеста Торранса, высокий уровень оригинальности мышления (способность создавать необщепринятые, нестандартные идеи). Добавим, что, если анализировать субтест Торранса как проективную рисуночную методику, видна выраженная штриховка. Это является косвенным признаком высокого уровня тревожности, невротизации тревоги.

Случай 2. Девочка 17 лет с очень высокими значениями по шкалам опросника Басса-Перри, что, возможно, несколько демонстративно. Трудности в межличностных отношениях вследствие завышенных собственных стандартов тоже высокие.

Дополнительно был проведен тест личностной тревожности Спилбергера, по результатам которого обследуемая также попадает в группу риска по тревоге (пограничное состояние, т.е. уровень невротизации). Несмотря на свойственную подростковому возрасту демонстративность, «незаконченные предложения» можно рассматривать как крик о помощи. Например: «Думаю, мой отец редко думает обо мне/других», «Когда я была ребенком, я была несчастна», «По сравнению с большинством других семей моя семья ужасна». «Моя мать и я – выпивающие люди», «Когда я была маленькой, то чувствовала себя виноватой, если ходила в туалет». «Когда я была ребенком, моя семья распалась». «Когда я вижу женщину вместе с мужчиной, то ненавижу их», «Думаю, я достаточно способна, чтобы умереть», «Надеюсь на скорую смерть», «Большинство моих товарищей не знает, что я боюсь себя», «Люди, с которыми я учусь – никто», «Моей самой большой ошибкой было родиться», «Хотелось бы мне перестать бояться себя, людей, сонного паралича». По результатам серии лингвистических тестов, у девочки высокие лингвистические способности. По результатам субтеста Торранса – высокий уровень оригинальности мышления (рис.).

Рисунок

Добавим, что в гимназии практически все обследованные школьники показали высокие результаты по серии лингвистических тестов и высокие показатели оригинальности мышления по фигурному субтесту Торранса.

Исследование продолжается с другой группой студентов университета «Дубна» (20 человек) и еще в двух классах гимназии г. Дмитрова. Возможно, также мы добавим физиологические, объективные показатели тревожности (кожно-гальваническая реакция).

Заключение

Подростки группы риска по враждебности в сельской и так называемой «девиантной» школах имеют проблемы самооценки, они изолированы в социальной группе (классе) (результаты статистически значимы). Важными факторами являются: внешность, положение в семье – в обеих школах. У этих же подростков, согласно патопсихологическому обследованию, мы видим выраженные (ауто)деструктивные тенденции. Обнаружена тенденция: в сельской школе оценка учащимися ситуации в школе выше ($p=0,06$). Это может быть связано с тем, что сельская местность менее развита в плане технологических удобств, так называемой цифровизации.

В гимназии, как и в других школах, у подростков группы риска по враждебности отмечены трудности в межличностных отношениях (результаты статистически значимы). Однако в гимназии важным фактором становится дезадаптивный перфекционизм. У этих же подростков выраженные (ауто)деструктивные тенденции (в том числе по субтесту Торранса). Кроме того, в гимназии практически все обследованные школьники показали высокие результаты по серии лингвистических тестов и фигурному субтесту Торранса.

Библиографический список:

1. Положий Б.С. Суициды в России и в Европе. М.: МИА, 2016. 212 с.
2. Соколова Е.Т., Цыганкова П.В. Структура перфекционной мотивации у лиц с нарушением адаптации и суицидальным поведением [Электронный ресурс] // Электр. ж-л «Психологические исследования». 2011. № 5 (19). Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n5-19/551-sokolova-tsygankova19.html> (Дата обращения: 25.09.2020).
3. Щипицына А.С. Методики измерения перфекционизма // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 235-245.
4. Ясная, В.А., Ениколопов, С.Н. Современные модели перфекционизма [Электронный ресурс] // Электр. ж-л «Психологические исследования». 2013. № 6 (29). Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html> (Дата обращения: 25.09.2020).
5. Ясная В.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Зурабова А.М. Апробация методики измерения перфекционизма Р. Слейни «Почти совершенная шкала» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 30-45.

6. Haase A.M., Prapavessis H. Assessing the factor structure and composition of the positive and negative perfectionism scale in sport // *Personality and Individual Differences*. 2004. Vol. 36 (7). P. 1725-1740.
7. Hobgood D.K. Personality traits of aggression-submissiveness and perfectionism associate with ABO blood groups through catecholamine activities // *Med Hypotheses*. 2011. Vol. 77 (2). P. 294-300.
8. Miller J.L., Vaillancourt T. Relation between childhood peer victimization and adult perfectionism: are victims of indirect aggression more perfectionistic? // *Aggress Behav*. 2007. Vol. 33 (3). P. 230-241.
9. Roxborough H.M., Hewitt P.L., Kaldas J., Flett G.L., Caelian C.M., Sherry S., Sherry D.L. Perfectionistic self-presentation, socially prescribed perfectionism, and suicide in youth: a test of the perfectionism social disconnection model // *Suicide Life Threat Behav*. 2012. Vol. 7742 (2). P. 217-233.
10. Slaney R.B., Rice K.G., Mobley M., Trippi J., Ashby J.S. The revised Almost Perfect Scale // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2001. Vol. 34 (3). P. 130-145.

Tarasova S.Yu., Asriyan A.A. **The picture of anxiety and aggressiveness of adolescents studying in educational institutions of different types**

In recent years, the number of (auto) destructive, aggressive manifestations among schoolchildren, children, and adolescents has increased. This phenomenon is observed with various training systems. The purpose of this pilot study is to identify the regular relationships between aggressiveness and self-esteem anxiety in adolescents in educational institutions of various types. At the same time, we are interested in manifestations of adaptive and maladaptive perfectionism. The following preliminary conclusions can be made. Adolescents at risk of hostility in rural and so-called “deviant” schools have problems of self-esteem and are isolated in a social group (class) (the results are statistically significant). In the gymnasium, adolescents at risk of hostility noted difficulties in interpersonal relationships (the results are statistically significant). However, disadaptive perfectionism becomes an important factor in the gymnasium.

Keywords: aggressiveness; hostility; self-esteem anxiety; perfectionism; destructive personality trends; high abilities

Образование и развитие личности

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-20-31

УДК 159.922.72

Я. А. Галеева, И. Ф. Рощина

О влиянии перьевой каллиграфии на когнитивную сферу младших школьников

Аннотация:

В статье показано влияние занятий перьевой каллиграфией по методике Я. А. Галеевой «Школа русской каллиграфии» на когнитивную сферу младших школьников с трудностями в обучении. Авторами представлены результаты эксперимента, проведенного ими в 2018-2019 гг. в двух школах г. Москвы (средний возраст детей – 8 лет и 11 месяцев) и выявившего коррекционный потенциал методики ручного перьевого письма. Анализ данных нейропсихологической диагностики когнитивной сферы детей до и после занятий каллиграфией показал значимое улучшение зрительной памяти, оптико-пространственной сферы и произвольной регуляции, программирования и контроля. Авторы приходят к выводу, что данная методика может применяться как для эстетического развития детей, так и для одновременной коррекции названных когнитивных функций. Она может быть полезна педагогам дополнительного образования, психологам и родителям.

Ключевые слова: каллиграфия, перьевое письмо, когнитивная сфера, младший школьный возраст, нейропсихологическая диагностика

Об авторах: Галеева Янна Александровна, Центр развития и коррекции «Радуга жизни» (г. Люберцы Московской обл.), логопед-дефектолог; эл. почта: yanna_mail@mail.ru

Рощина Ирина Федоровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор кафедры нейро- и патопсихологии развития факультета клинической и специальной психологии; ФГБНУ Научный центр психического здоровья, ведущий научный сотрудник; эл. почта: ifroshchina@mail.ru

Введение и методология

В современной ситуации – при ухудшении здоровья детей в целом, при большом разнообразии нарушений развития у детей и обилии атипичных проявлений психического развития – традиционные техники коррекционных занятий с детьми часто не приводят к ожидаемому результату. Вычеркнутая из массового использования на 50 лет техника перьевого письма, развивающая и сберегающая здоровье, может оказать неоценимую услугу психологам, педагогам дополнительного образования и родителям.

В исследовании поставлен вопрос: каково влияние ручного письма на когнитивную сферу детей? По мнению В. Ф. Базарного, применение шариковой ручки спорно с точки зрения полезности для здоровья и развития детей [3]. Нами была взята методика обучения перьевому письму для выявления его влияния на когнитивную сферу, что и составило проблему настоящего исследования.

Целью стала диагностика особенностей формирования когнитивной сферы у младших школьников, практикующих ручное перьевое письмо по методике Я. А. Галеевой «Школа русской каллиграфии».

Объект и предмет исследования, соответственно, – когнитивная сфера младших школьников с трудностями в обучении и динамика когнитивных функций этих школьников при использовании методики ручного перьевого письма.

Основной гипотезой стало предположение о положительном влиянии методики ручного перьевого письма на когнитивную сферу младших школьников с трудностями обучения. Оно определило три частные гипотезы: о положительном влиянии ручного письма, во-первых, на развитие у детей зрительной памяти, во-вторых – на формирование оптико-пространственной сферы и, в-третьих – на функции произвольной регуляции, программирования и контроля.

В эмпирическом исследовании использовались методы наблюдения, тестирования, опроса, психолого-педагогического эксперимента, а также нейропсихологическая диагностика и математические методы (статистический анализ по критерию Манна-Уитни). Протокол нейропсихологического исследования включал батареи методик, собранных и апробированных коллективом авторов под руководством Т. В. Ахутиной для диагностики детей 6-9 лет [2], а также тест В. Ф. Базарного для диагностики физической готовности ребенка к школе [3].

В литературе достаточно подробно рассматриваются принципы нейропсихологической диагностики когнитивных функций у детей 7-10 лет. По наблюдению Ю. В. Микадзе, «критерии психологического тестирования, которые не предусматривают качественного описания психологической структуры психических процессов и причин, определяющих высокий или низкий уровень их сформированности, оказываются недостаточными для того, чтобы обнаружить неготовность к школьному обучению» [9, с. 36]. Как отмечает Т. В. Ахутина, «нейропсихолог не удовлетворяется констатацией слабости той или иной высшей психической функции (ВПФ), а умеет провести анализ, позволяющий обнаружить, какой структурно-функциональный компонент страдает первично и приводит к недоразвитию данной ВПФ в целом» [2, с. 8-10]. По словам А. В. Семенович, «единственным валидным аппаратом» может считаться нейропсихологический метод, оценивающий уровень готовности комплекса мозговых образований к психическому развитию ребенка [10]. Как показали этот и многие другие исследователи, «нейропсихологический метод позволяет соотнести... девиацию или дефицит в развитии психики ребенка с задержкой созревания тех или других зон мозга» [11, с. 98].

Нельзя также не упомянуть «метод замещающего онтогенеза» (МЗО), который ввела в теорию нейропсихологической коррекции А. В. Семенович [11]. Метод заключается в построении плана коррекции с учетом соотнесенности актуального уровня развития ВПФ ребенка с основными этапами нормативного формирования мозговой организации психических процессов. «Неосвоенные участки онтогенеза» воспроизводятся в процессе коррекции заново, как это было бы при нормативном развитии. МЗО предполагает комплексное воздействие, то есть применение трех групп методов: двигательной, когнитивной и коррекции произвольной саморегуляции. Соотношение этих методов на конкретном коррекционном занятии варьируется исходя из этапа коррекции, структуры нарушения, индивидуальности и актуального состояния ребенка.

Вот как строятся занятия с учетом МЗО: «на первом этапе ставится задача формирования осевых (телесных, органных, оптико-пространственных) горизонтальных и вертикальных сенсомоторных взаимодействий, которые активируют все ВПФ и гармонизируют психическую активность» [11, с. 218] (I функциональный блок мозга по А. Р. Лурия, I ФБМ [8]). «Начало направленной коррекции познавательных процессов (II ФБМ) зависит от статуса ребенка на начало занятий, но уже на 2-3 занятия когнитивные

методы присутствуют, т.к. развитие ВПФ активизирует и развитие психики ребенка в целом, и как результат, постепенно расширяется зона ближайшего развития» [11, с. 218]. Самым труднодостижимым и ценным результатом А. В. Семенович считает «достижение оптимального для ребенка уровня произвольности, развития функций программирования и контроля» (Ш ФБМ) [11, с. 218].

Перьевое письмо соединяет в себе несколько составляющих: и сферу мелкой и крупной моторики, и такие когнитивные функции, как внимание, восприятие, память, а также компоненты произвольной регуляции и контроля. Преимуществом такого письма как метода коррекции является его способность достигать в одних и тех же заданиях целей как двигательной, так и когнитивной коррекции, а также целей формирования и коррекции сферы произвольной регуляции деятельности. В отличие от письма шариковой ручкой перьевое письмо графически более образно и объемно. Такое письмо позволяет передать эмоциональный посыл, содержащийся в сообщении графическими методами, что позволяет также проработать и образный компонент, затрагивающий эмоционально-аффективную сферу и воображение ребенка.

В исследовании использовалась методика «Школа русской каллиграфии», которая представляет собой обучение исторической каллиграфии с элементами рисования. На рисунке 1 дается один из образцов такого письма, использующего русский рукописный шрифт «вязь».

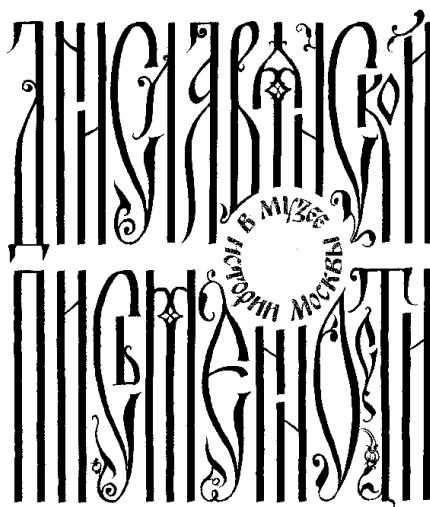

Рисунок 1. Шрифтовой плакат Я. А. Галеевой

Коррекция когнитивной сферы младших школьников с трудностями обучения с помощью перьевого письма

Исследование было проведено в 2018-2019 гг. в двух школах г. Москвы. Для эксперимента было отобрано 26 младших школьников, испытывающих трудности в обучении. Ученики второго и третьего классов были выбраны на основании анализа журнала успеваемости: все имели плохую успеваемость по одному или нескольким предметам (русскому языку, математике, литературе, чтению). Первоклассники были отобраны для участия в исследовании на основании экспертного мнения классного руководителя.

Таблица 1.

Возрастная характеристика обследованных младших школьников

Параметр	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Средний возраст	8 лет 9 м.	9 лет 2 м.
Количество детей	15	11

На основании первичной нейропсихологической диагностики этих детей был выявлен большой разброс показателей уровня сформированности когнитивных функций, что соотносится с результатами исследований Н. П. Локаловой и Е. В. Глебовой [5], А. Ф. Ануфриева и С. Н. Костроминой [1], И. Ю. Левченко [7] и других ученых, отмечавших множество причин трудностей в обучении у детей [6, с. 13]. Полученные в ходе

нашего исследования данные об уровне сформированности высших психических функций были соотнесены со статистической нормой; в качестве последней был принят уровень, которого достигали в соответствующих пробах 70% младших школьников (по данным 2002-2012 годов, собранным под руководством Т. В. Ахутиной [2, с. 21-147]). У отобранных для эксперимента детей была выявлена недостаточная сформированность таких параметров психической деятельности, как кинетический праксис, оптико-пространственная сфера, запоминание трудно вербализуемых фигур, речь, внимание, а также произвольная регуляция, программирование, контроль и нейродинамика. Выделить среди недостаточно сформированных функций какую-то одну ведущую и тем самым составить гомогенную группу для исследования не удалось. Из отобранных детей были случайным образом сформированы две группы: экспериментальная и контрольная. Дважды в неделю с детьми экспериментальной группы проводились 45-минутные занятия по перьевой каллиграфии. Обучающий комплекс состоял из 10 занятий, которые были проведены за 6 недель. Дети контрольной группы в занятиях не участвовали.

Рассмотрим более детально результаты нейропсихологической диагностики детей экспериментальной группы до и после проведения обучения по программе «Школа русской каллиграфии».

Таблица 2.

Результаты нейропсихологического исследования в
экспериментальной группе до и после занятий каллиграфией

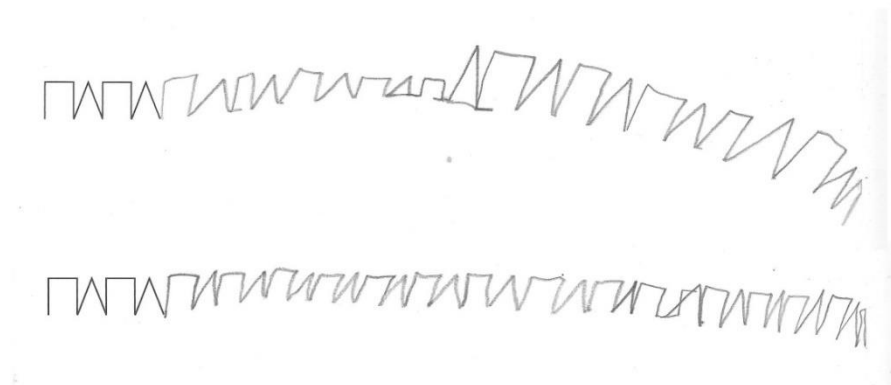
Проба	Первичная диагностика	Повторная диагностика
Запоминание трудно вербализуемых зрительных стимулов	У 1 ребенка нулевая отметка	Нижняя норма
	У 2 детей ниже нормы	У одного из них нижняя граница нормы, у второго – средняя норма
	У 4 детей нижняя граница норма	У всех – средняя норма
	У 8 детей средняя норма	У одного оценки не изменились, у второго рост в пределах средней нормы у 6 детей – высокая норма
«Перевертыши»	У 3 детей нулевая оценка	У двоих нулевая оценка, у третьего – нижняя граница нормы
	У 8 детей – нижняя граница нормы	У троих – нижняя граница нормы, у двоих – средняя норма, у троих – высокая норма
	У 3 детей – средняя норма	У одного ребенка показатели не изменились, у двоих – высокая норма
	У 1 ребенка – высокая норма	Высокая норма

После применения методики обучения каллиграфии у всех детей экспериментальной группы наблюдалось увеличение продуктивности запоминания трудно вербализуемых зрительных стимулов. В оптико-пространственной сфере также выявлено улучшение зрительно-пространственных представлений. Выявленный рост продуктивности в пробе «Перевертыши» подробно рассмотрен в таблице 2.

Положительные тенденции в организации произвольных движений были отмечены в пробах кинетического праксиса. «В кинетическом праксисе показатель серийной организации движений улучшился у 5 человек и достиг уровня нормы, наблюдалось улучшение межполушарных взаимодействий и повышалась функция программирования и контроля. У других четырех детей показатели до коррекции были на уровне нормы, тем не менее они улучшились после применения методики ручного перьевого письма» [4, с. 40]. У остальных детей экспериментальной группы результаты диагностики кинетической организации движений остались на прежнем уровне.

После проведения программы «Школа русской каллиграфии» у детей экспериментальной группы наблюдалось улучшение нейродинамических параметров психической активности: «исчезла тенденция к макрографии у 4 детей и к микрографии у 1 ребенка. Также у одного ребенка повышенный тонус нормализовался, у другого ребенка выросла скорость и точность движений, у третьего ребенка показатели достигли уровня нормы. Снизилась утомляемость при выполнении графических проб у 2 детей» [4, с. 41]. У остальных детей показатели нейродинамики при первичной и повторной диагностике совпадали. На рисунке 2 представлены два примера, иллюстрирующих успехи детей в пробе «Заборчик».

Пример 1.

Пример 2.

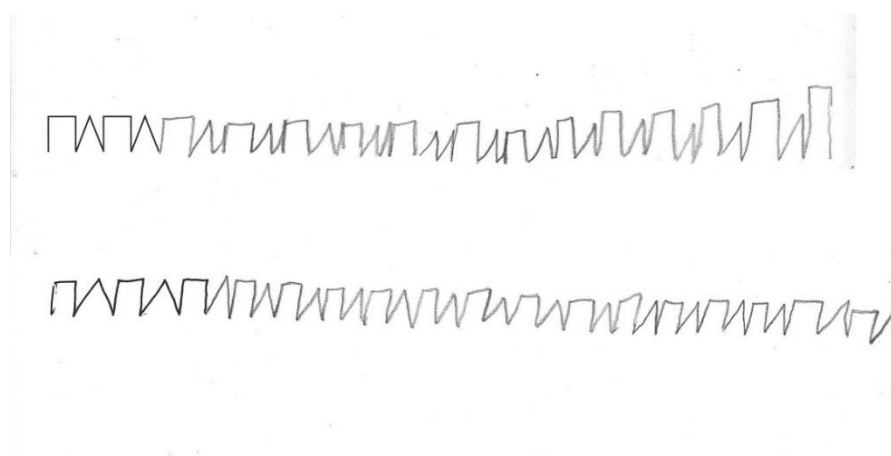

Рисунок 2. Два примера выполнения графической пробы «Заборчик» до (внизу) и после (вверху) коррекции по методике «Школа русской каллиграфии»

Сравнение результатов первичного и повторного нейропсихологического обследования после комплекса занятий по программе «Школа русской каллиграфии» в экспериментальной группе показало статистически значимые различия в пробах «Реакция выбора», «Перевертыши», «Запоминание трудно вербализуемых зрительных фигур», в графических пробах (табл. 3).

Таблица 3.

Результаты нейропсихологического исследования в экспериментальной группе
(критерий Манна-Уитни)

ВПФ	ЭГ, р
Программирование, регуляция и контроль произвольных действий (проба «Реакция выбора»)	$p \leq 0.05$
Зрительно-пространственная перешифровка изображений, произвольная регуляция деятельности (проба «Перевертыши»)	$p \leq 0,05$
Восприятие, хранение и воспроизведение зрительно-пространственной информации (проба «Запоминание трудновербализуемых фигур»)	$p \leq 0,05$
Кинетический праксис (графические пробы)	$p \leq 0,01$

Сравнение результатов первичной и повторной диагностики детей в контрольной группе, которые не занимались перьевой каллиграфией, не обнаружило статистически значимых различий по параметрам, указанным в таблице 3 (по критерию Манна-Уитни). Значимые различия в динамике указанных выше параметров когнитивной сферы наблюдались только у детей экспериментальной группы после коррекции.

Следует подробнее сказать о методике «Школа русской каллиграфии». Каллиграфия в этой методике понимается как «искусство изображения слова» и изучается на примере исторических шрифтов: вязь, полуустав, английский курсив с использованием элементов рисования. Методика разработана для детей с сохранным интеллектом и состоит из двух этапов. Задача первого этапа – знакомство с ритмическими основами каллиграфии и азами перьевого письма. На втором этапе более глубокое изучение одного из выбранных шрифтов завершается созданием авторских шрифтовых композиций. Первый ознакомительный этап составил содержание программы формирующего эксперимента в проведенном исследовании. Для обучения использовался шрифт «вязь», адаптированный П. П. Чобитько для начинающих [12], а также некоторые упражнения того же художника. Дети писали перьями 5мм и рисовали плоскими кистями 5мм. Один-два раза за занятие осуществлялась обратная связь, то есть информация от педагога и участников группы о работах друг друга.

В новом для себя виде деятельности ученики получали возможность пережить чувство удовольствия от преодоления трудностей при овладении новым инструментом. Ощущение успешности своих действий также очень важно детям с трудностями в обучении.

Отметим, что влияние перьевого письма на развитие детей исследовалось в 1990-х гг. под руководством В. Ф. Базарного, но этот автор сосредоточился на английском курсивном письме [3]. В нашем же эксперименте использовался древнерусский шрифт «вязь». Многолетняя практика одного из авторов настоящей статьи показывает, что шрифт «вязь» очень удобен для освоения начинающими и несет в себе гораздо больше возможностей для быстрого и легкого развития сферы зрительно-моторных координаций и кинетического праксиса, нежели английский курсив.

Ниже представлен фрагмент выставки работ детей по итогам исследования.

Рисунок 3. Выставка детских работ по итогам занятий по программе «Школа русской каллиграфии»

Вывод

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что методика обучения каллиграфии обладает коррекционным потенциалом, улучшая комплекс когнитивных функций: зрительную память, оптико-пространственную сферу, функцию произвольной регуляции, программирования и контроля. Тем самым в исследовании подтвердились и три наши частные гипотезы, и основная гипотеза, согласно которой методика ручного перьевого письма способствует развитию когнитивной сферы младших школьников с трудностями в обучении. Методика обучения перьевому письму «Школа русской каллиграфии» может быть полезна родителям, психологам и педагогам дополнительного образования.

Библиографический список:

1. Ануфриев А.Ф., Костромина С.Н. Как преодолеть трудности в обучении детей. Психодиагностические таблицы. Психодиагностические методики. Коррекционные упражнения. М.: Ось-89, 2013. 272 с.
2. Ахутина Т. В. Нейропсихологическое обследование детей 6-9 лет. М.: В. Секачев, 2016. 280 с.
3. Базарный В.Ф. Перьевое письмо. [Электронный ресурс]. М., 2015. Режим доступа: <http://bazarny.ru/bazarny-Pero.pdf> (Дата обращения 14.12.2020).
4. Галеева Я.А. Коррекция когнитивной сферы младших школьников с трудностями обучения с помощью перьевого письма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psychlib.ru/resource/pdf/studwork/GaleyevaYaA_2019/GaleyevaYaA_6.pdf (Дата обращения: 07.12.2020).
5. Глебова Е.В. Нейропсихологическая диагностика особенностей мышления неуспевающих младших школьников: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 19.00.04 [Электронный ресурс] / Глебова Елена Вячеславовна. М., 2007. 174 с. Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/science/autoref/glebova.pdf> (Дата обращения: 07.12.2020).
6. Дубровина И. В. Практическая психология образования. СПб.: Питер, 2007. 592 с.
7. Левченко И.Ю., Забрамная С.Д., Добровольская Т.А. и др. Психолого-педагогическая диагностика. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 320 с.
8. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 624 с.
9. Меликян З.А. Особенности переработки зрительно-пространственной информации у детей в норме и с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04 [Электронный ресурс] / Меликян Заруи Ариковна. М., 2002. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-pererabotki-zritelno-prostranstvennoi-informatsii-u-detei-v-norme-i-s-zaderzhkoi> (Дата обращения: 20.12.2020).
10. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста. М.: Генезис, 2005. 232 с.
11. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учебное пособие. М.: Генезис, 2018. 474 с.
12. Чобитько П. П. Азбуковник. СПб: Питер, 2009. 272 с.
13. Шевченко Г.С. Коррекционно-развивающее обучение: Организационно-педагогические аспекты: Метод. пособие для учителей классов коррекционно-развивающего обучения [Электронный ресурс]. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2015. С. 16-26. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2623065/page:27/> (Дата обращения: 14.12.2020).
14. Harris D. Calligrapher's Bible. London: Quarto Publishing plc., 2003. 256 p.

Galeeva Ya.A., Roshchina I.F. About the influence of pen calligraphy on the cognitive sphere of primary school children

The article shows the influence of pen calligraphy classes according to the method of Ya. A. Galeeva "School of Russian Calligraphy" on the cognitive sphere of younger schoolchildren with learning difficulties. The authors present the results of an experiment conducted by them in 2018-2019 in two schools in Moscow (the average age of children is 8 years and 11 months) and

revealed the correctional potential of the manual pen writing technique. The analysis of the data of neuropsychological diagnostics of the cognitive sphere of children before and after calligraphy lessons showed a significant improvement in visual memory, optical-spatial sphere and voluntary regulation, programming and control. The authors conclude that this technique can be used both for the aesthetic development of children and for the simultaneous correction of these cognitive functions. It can be useful for teachers of additional education, psychologists and parents.

Keywords: calligraphy, pen writing, cognitive sphere, primary school age, neuropsychological diagnostics

Лингвистические штудии

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-32-38

УДК 8-811.111

С. Б. Волкова

Лексема *finger* в составе английских фразеологизмов

Аннотация:

В статье рассматриваются английские идиомы, имеющие в своем составе лексему *finger*, и предлагается их классификация, позволяющая облегчить их изучение и запоминание. Фразеологизмы с компонентом *finger* анализируются с учетом сложившихся в английской культуре особенностей восприятия пальцев рук и их функций. Автор показывает, как различные ассоциации, связанные с пальцами, привели к возникновению столь многообразных идиом.

Ключевые слова: лексема, соматический компонент, фразеология, лингвокультурология

Об авторе:

Волкова Светлана Борисовна, кандидат филологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: volkovasvetlana@mail.ru

Интерес к фразеологическим единицам, имеющим в своем составе соматический компонент, т. е. название какой-либо части человеческого тела, не иссякает. По мнению исследователей, «эта лексика широко отражает реалии окружающего мира» [3, с. 22]. Она конкретна и наглядна, а потому легко усваивается как носителями языка, так и теми, кто изучает этот язык как иностранный. Знание и понимание фразеологизмов открывает много возможностей. Фразеология – «зеркало культуры», кладезь народной мудрости, так как в ней находят отражение национально-культурные особенности языка. Уместное употребление фразеологизмов обогащает речь, способствует сохранению культурных концептов в языковой системе. При этом понимание и употребление фразеологизмов

нередко вызывает трудности. Фразеологические единицы встречаются и на страницах художественных произведений, и в публицистических текстах, где эти устойчивые сочетания могут трансформироваться. Чтобы правильно понять их смысл, нужно точно знать их основное значение – помимо дополнительного стилистического значения, которое привносится контекстом.

Цель данного исследования – выделить и проанализировать английские идиомы с общим компонентом “*finger*”. Одна из задач – упорядочить, классифицировать выделенные идиомы, чтобы найти более эффективный способ их изучения и запоминания, подсказать, как сделать их восприятие более доступным. Вторая задача исследования (условно говоря, лингвокультурологическая) – попытаться выявить на основе выделенных единиц национально-культурные особенности англоязычной лексики.

Исследований в области фразеологии с соматическими компонентами немало. Часто лингвисты задаются целью сопоставить различные виды соматических фразеологизмов в двух и более языках, чтобы выяснить, совпадает или не совпадает их образность, общее значение и структурно-грамматический тип. Широко исследуется и проблема перевода фразеологизмов; в этом аспекте выделяют, во-первых, полные эквиваленты, во-вторых, фразеологизмы, которые частично совпадают в разных языках, и, в-третьих, такие, которые не совпадают совсем (при их переводе необходимо прибегать к объяснению).

Для преподавания иностранных языков важна техника запоминания. Фразеологизм «представляет собой отдельно сформированную лексическую единицу и является семантическим эквивалентом слова» [3, с. 23], поэтому при его запоминании разумно использовать тот же метод, что и при изучении лексики – метод ассоциаций. Чтобы обнаружить связанные с соматическими фразеологизмами ассоциации, следует сначала вспомнить, какова роль или функция той или иной части тела в объективной действительности. Например, с лексемой “*hand*” (рука) возникают ассоциации «работа, труд», “*mouth*” (рот) воспринимается как «источник коммуникации», “*ears*” (уши) – «способность слышать и слушать» и, возможно, «любопытство». Какими же характеристиками обладают пальцы на руке?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к истории слова *finger*. Этимологически эта лексема – исконно английская. Первоначально ее корень употреблялся в значении «пять» (*finger* – O.E. *finger*, from P.Gmc. **fingraz*, with descendants widespread in the Gmc. languages but no cognates elsewhere; perhaps connected with PIE **pengke*, the root

meaning "five"). В качестве единицы измерения, а именно в значении «ширина пальца», что составляет $\frac{3}{4}$ дюйма (=19 мм), данная лексема начала употребляться в среднеанглийский период (*as a unit of measure (M.E.) it represents the breadth of a finger, about three-quarters of an inch*). Значение глагола *to finger* «опознать преступника, донести на кого-либо» впервые датировано 1930 г. В современном языке лексема многозначна. Одно из значений представляет собой метафорический перенос на предмет (объект), который по форме, внешнему виду напоминает палец (*finger – 1 your fingers are the long thin parts on the end of your hands; 1a the part of a piece of clothing that covers one of your fingers; 2 a long thin piece of something: fingers of toast*) [5, с. 523].

Перейдем к наименованиям пальцев на руке и к их происхождению. Несмотря на то, что указательный палец идет после большого, именно он считается первым. Это отражено в самом его названии – “*fore finger*” (*fore* – «передний», «впереди»). Наименование большого пальца – *thumb* – происходит от глагола «набухать, опухать» (“*tum*” = “*toswell*”). В английском языке принято говорить “*four fingers and a thumb*”, подчеркивая тем самым отличие большого пальца от других. Указательный именуется *pointer finger* – от глагола *to point out* («указывать»). Наименование среднего пальца – *middle finger*– имеет буквальное значение, так как этот палец располагается в центре (*middle*) руки. Тот палец, который в русском языке называется безымянным, в английском – «перстневой», *ring finger*. Он получил свое название из-за нерва, который проходит через него и соединяет его с сердцем, поэтому безымянный палец символизирует романтические отношения – на нем носят обручальное кольцо. Кроме того, именно этим пальцем в старину растирали лекарство, чтобы сразу же почувствовать, вредное оно для здоровья или нет. В результате появилось еще одно наименование – *medical finger* (медицинский палец). Мизинец называется «маленьким пальцем» – *little / baby finger*. Он может также именоваться *pinky / pinkie*, от слова «маленький» (“*pinky*”= “*small*”).

Каждый из пальцев имеет определенное значение в астрологии и хиромантии. Мизинец ассоциируется с умом и убедительностью, безымянный – с романтическими отношениями; средний палец символизирует баланс и ответственность, указательный – власть, лидерство, полномочия; большой палец указывает на характер. Крепкий, прямой палец говорит о властной личности, а кривой считается признаком злобы или нечестности.

Словосочетание *finger language*, означающее в английском языке язык жестов (язык глухонемых), подчеркивает преобладающую роль пальцев рук в невербальном общении, их

способность с помощью жестов дополнять или полностью заменять речь. Тело человека – а в первую очередь, его руки и, в частности, пальцы – подсознательно и спонтанно передает его эмоции и полученные им впечатления. Определенные жесты зафиксированы во фразеологии. Это так называемые симптоматические жесты, которые свидетельствуют об эмоциональном состоянии человека. Например, выражение *cross your fingers / keep your fingers crossed – to hope that things will happen in the way you want them to* (стараться не сглазить) – восходит к народной примете: суеверные люди держат пальцы скрещенными, считая, что это отвратит неудачу. В американской культуре этот жест и соответствующее ему словосочетание приобрели еще один смысл: если скрестить пальцы и при этом лгать, то сказанное не считается ложью. Симптоматическим жестам соответствуют и другие фразеологизмы: *put / stick two fingers up at smb (BrE, informal)– to express anger at someone in a very rude way by holding up your first two fingers in the shape of a “V” with your palm facing you; give smb the finger (mainly AmE) – to express anger at someone in a very rude way by holding up your longest finger towards them with you palm facing you*. Обе эти идиомы имеют отрицательные коннотации, так как обозначенные ими жесты (поднятый вверх средний палец или средний вместе с указательным, в обоих случаях – при повернутой к себе ладони) несут в себе негативную экспрессию и выражают такие не одобряемые обществом эмоции, как злость и раздражение.

Жест «указывать пальцем» воспринимается как повелительный, властный, интерпретируется как демонстрирующий агрессию и злость, как проявление высокомерия и желания унижить. Соответственно, идиомы, связанные с таким жестом, имеют явно отрицательные коннотации. Например: *to point the finger of scorn at smb* – показывать пальцем на кого-либо, насмеяться над кем-либо, презрительно о ком-либо отзываться; *to snap one’s fingers at smb* – игнорировать кого-либо, что-либо.

В устойчивых словосочетаниях особое внимание уделено трем пальцам: мизинцу, большому и, предположительно, указательному (это предположение основано на том, что в состав идиом входит глагол *point*):

- *not to be worth smb’s little finger* – не стоить чьего-либо мизинца, быть недостойным кого-либо;
- *turn / twist smb round one’s little finger* – помыкать кем-либо, веревки вить, заставлять плясать под свою дудку;

- *crook (lift, raise, throw, turn up) the little finger (coll.)* – напиться, хватить лишнего (*a crooked finger is not straight or healthy*)
- *one's fingers are all thumbs/be all thumbs* – неловкий, неуклюжий человек, растяпа;
- *the finger of Fate /of God* – перст судьбы, перст божий, указующий перст;
- *point an accusing finger at* – показывать пальцем на кого-либо, обвинять.

Как видно из примеров, большой палец ассоциируется с неуклюжестью, неловкостью; указательный – с перстом судьбы и с обвинением.

На кончиках пальцев располагается наибольшее количество тактильных рецепторов. Пальцы на руках подвижны, чувствительны и реагируют на команды мозга с особой точностью. Тактильные ощущения, то есть ощущения прикосновения, позволяют познавать мир. Поэтому глагол “*to finger*” отражает не только способность человека воспринимать окружающее на ощупь: он получил значение «выявлять, определять, выделять, замечать что-либо». Способность пальцев к тактильным ощущениям прямо или косвенно реализуется в следующих идиомах: *burn one's fingers* – обжечься на чем-либо; *put one's fingers in the fire* – напрашиваться на неприятности, рисковать, лезть на рожон (оба фразеологизма обладают отрицательной коннотацией); *to have your finger on the pulse* – внимательно следить за чем-либо, быть в курсе дела (*to be conscious of new developments in a situation*); *have a finger in the pie* – принимать участие в чем-либо, во все вмешиваться, иметь ко всему отношение, быть в каждой бочке затычкой.

Благодаря подвижности, активности, ловкости пальцев лексема *finger* может служить обозначением инструмента для каких-либо действий. Например, в идиоме *lay / put a finger on smb* (ударить кого-либо) палец выступает как инструмент физического насилия. Следует отметить, что данная структура употребляется преимущественно в отрицательных предложениях. Пальцы могут быть инструментами для воровства: *have light / sticky fingers* – брать, что плохо лежит, быть нечистым на руку; *stick to smb's fingers* – (1) прилипнуть к рукам (о деньгах), (2) присвоить, прикарманить.

Пальцы могут и подвести, быть не такими умелыми и ловкими, как нужно. Это отражено, например, в идиоме, характерной для разговорной речи – *(have) butter fingers*. Ее используют для характеристики человека, у которого все валится из рук; она близка по смыслу к русским выражениям «руки-крюки», «дырявые руки». Фразеологизм *(let smb. /*

smth) slip through one' fingers означает «упустить, выпустить из рук; проскользнуть сквозь пальцы, уплыть из рук».

О значении одного из фразеологизмов догадаться трудно: *with a wet finger* («с мокрым пальцем»). Эта идиома употребляется редко и имеет значение «с легкостью, без труда, запросто». Ее появление объясняется тем, что, листая книгу или любое другое печатное издание, мы смачиваем палец, чтобы облегчить этот процесс.

При изучении идиом была выделена одна национально-культурная особенность речи англичан: из вежливости они стараются избегать прямолинейности, используя слова и структуры, которые можно описать словом *tentativeness* (предположительность, приблизительность, условность). Этой особенностью объясняется склонность англичан к преуменьшению, к использованию эвфемизмов. При сравнении идиом *light fingers* и *sticky fingers*, которые являются стилистическими синонимами, можно заметить, что слово *sticky* обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией (употребляется в значении «липкий, плохой, неприятный, грязный»), поэтому в языке возник вариант с его заменой на эвфемизм *light*.

Обширный корпус фразеологизмов с компонентом *finger* показывает, что этот соматизм занимает важное место в сознании англичан и отражает многообразие ассоциаций, связанных в английской культуре с пальцами руки и их функциями.

Библиографический список:

1. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.:Флинта: Наука, 2001. 776 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд., исправл. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
3. Орлова Т.Г., Никулина Е.Ф. Учет структурно-семантического сходства и различия английских соматических фразеологических единиц при переводе их на русский язык [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2011. № 1. С. 22-31. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-strukturno-semanticheskogo-shodstva-i-razlichiya-angliyskih-somaticheskikh-frazeologicheskikh-edinit-pri-perevode-ih-na-russkiy/viewer> (Дата обращения: 15.04.2019).
4. Lasane A. How the 5 Fingers Got Their Names [Electronic resource]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/74308/how-5-fingers-got-their-names> (Access: 10.04.2019).
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International student edition. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2006. 1692 p.
6. Merriam-Webster's Learner's dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (Access: 15.04.2019).
7. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (Access: 15.04.2019).

8. Rings & Finger Symbolism [Electronic resource]. URL: <https://www.realmenrealstyle.com/ring-finger-meaning/> (Access: 08.04.2019).

Volkova S.B. Lexeme *finger* in English phraseological units

The English idioms with a lexeme “*finger*” are considered in the present article and their classification is suggested to make the process of their studying and memorizing more effective. The phraseological units with a component “*finger*” are analyzed taking into account the peculiarities of perception of this body part and its main functions prevailing in English culture. The author demonstrates how various associations connected with fingers have led to the appearance of so many diverse idioms.

Keywords: lexeme, somatic component, phraseology, linguoculturology

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-39-46

УДК 8-811.111

А. В. Соколова, С. Б. Волкова

**Английские заимствования в общественно-политическом контексте и
их значение в русском языке**

Аннотация:

Английские слова продолжают активно проникать в русский язык. Однако они не всегда заимствуются во всей полноте своих значений, поэтому вопросу их употребления в русском языке следует уделить особое внимание. В статье представлен лингвистический анализ некоторых слов, часто встречающихся в общественно-политической сфере: *националист / nationalist, оккупант / occupant, сепаратист / separatist* и *террорист / terrorist*. В каждой из этих пар русское слово было заимствовано из английского языка с помощью калькирования. Исследование показало, что слова этой группы могут иметь разные коннотации в языке-источнике и языке-реципиенте.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, значение, коннотация, калькирование, транслитерация

Об авторах: Соколова Ангелина Викторовна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: sokolova_angelina.1996@mail.ru

Волкова Светлана Борисовна, кандидат филологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: volkovasvetlana@mail.ru

В связи с активным проникновением иноязычной лексики в русскую речь на рубеже XX-XXI вв. изучение заимствований из английского языка (англицизмов) становится актуальным. Англицизмы особенно часто употребляются в таких сферах, как политика, экономика, наука и технологии, быт, искусство и спорт. Цель данного исследования – анализ значений и функционирования некоторых англицизмов, характерных для

общественно-политической сферы, в сопоставлении с соответствующими словами английского языка.

Для анализа были выбраны четыре пары слов, которые встречаются и в русской, и в английской публицистике довольно часто: *националист / nationalist*, *оккупант / occupant*, *сепаратист / separatist* и *террорист / terrorist*. В каждой из этих пар русское слово было заимствовано из английского языка с помощью калькирования, то есть буквального перевода иноязычного слова с сохранением его фонетического и графического облика. Нетрудно заметить, что в каждой из четырех пар слова похожи по звучанию и написанию.

Обратимся к этимологическому словарю [8], чтобы выяснить происхождение перечисленных английских слов и сравнить их первоначальное значение с современным.

1) **Nationalist.**

Лексема *nationalist* появилась в начале XVIII в. как производная от прилагательного *national*, имевшего ныне уже устаревший смысл «патриотичный, характеризующийся привязанностью или преданностью своей собственной расе или стране», с помощью суффикса *-ist*, который, в свою очередь, был заимствован из греческого языка. Слово *nationalist* в то время означало «человек, преданный своей нации».

В свою очередь, прилагательное *national* в значении «принадлежащий какой-либо нации или стране; установленный и поддерживаемый народом, нацией; свойственный народу какой-либо страны» было образовано в конце XVI в. от лексемы среднефранцузского языка *national* (от старофранцузского *nacion*). Вторая версия происхождения этого прилагательного – от существительного *nation*, путем прибавления суффикса *-al*.

Английское слово *nation* в значении «нация, род, раса» возникло в XIII в. под влиянием лексемы старофранцузского языка *nacion* и латинского существительного *nationem* (*nom.* от *natio*), а также глагола *nasci* («родиться»).

Политический смысл постепенно взял верх над семантическим компонентом «общее происхождение, общий предок», и в 1836 г. впервые было засвидетельствовано употребление слова *nationalism* в значении «доктрина божественного избрания наций», а в 1844 г. – в значении «преданность своей нации».

В современном английском языке слово *nationalist* имеет два значения: 1) *a person who wants their country to become independent*; 2) *(sometimes disapproving) a person who loves their country very much and is very proud of it; a person who feels that their country is better than*

any other [9]. Если первое из них не имеет оценочной коннотации, то второе явно ее включает и связано с неодобрением.

В словаре русского языка «националист» трактуется как «сторонник национализма, т.е. идеологии и политики, исходящей из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим» [4]. Таким образом, английское слово было заимствовано только в одном из двух существующих значений, с преобладанием отрицательной коннотации.

Чтобы сравнить употребление слов в конкретных контекстах, обратимся к корпусам русского [3] и английского [5] языков. Вот фрагмент английского публицистического текста: «*Momcilo Krajisnik, above, former right-hand man to the Bosnian Serb war leader Radovan Karadzic was "an unrepentant Serb **nationalist**" who helped unleash ethnic cleansing in Bosnia, the war crimes tribunal in The Hague heard yesterday...*» («The Independent», 04.02.2004). Значение слова *nationalist* в данном контексте – человек, который твердо верил в то, что его нация (сербская) лучше других, и поэтому пытался уничтожить боснийцев. Следующий пример взят из другой английской газеты: «*...the ex-communist countries that most ardently support the US "war on terror" are also deeply worried that their cultural identity, their very survival as nations, is threatened by the onslaught of Americanisation... In Slovenia, the right-wing **nationalist** opposition reproaches the ruling coalition for promoting pop culture and mindless entertainment to turn Slovenes into an easily manipulated crowd incapable of serious reflection...*» («The Guardian», 01.05.2004). В данном контексте *nationalist opposition* – это оппозиция, выступающая против вмешательства иностранной культуры, защищающая самобытность своей страны; люди, которые гордятся своей страной и пытаются сохранить ее уникальность. Как видно, в таком значении осуждения нет.

Национальный корпус русского языка дает такие примеры: «Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и **националист** по убеждениям...» («Известия», 26.05.2014); «Полное уравнивание двух языков и двух общин, немедленная федерализация, как можно более широкий политический диалог со всеми, кто не враг... Я не друг украинской государственности и, честно говоря, рад, что они так не поступают, но, конечно, украинский **националист** должен был бы действовать именно так, синтезируя новое пространство политического суверенитета» («Известия», 18.03.2014). И в первом, и во

втором случаях лексема «националист» реализуется в значении «сторонник идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим».

Таким образом, слово «националист» похоже и по значению, и по употреблению на породившее его «nationalist», однако в русском языке значение слова напрямую связано с нацией, а в английском – не столько с нацией, сколько со страной.

2) **Occupant.**

Лексическая единица *occupant* в значении «тот, кто овладевает чем-то, не имеющим владельца» является производной от лексемы *occupant* из среднефранцузского языка или непосредственно от *occipuru* из латинского языка. В свою очередь лексема *occipuru* произошла в начале XIV в. от старофранцузского глагола *occipier* и латинского глагола *occupare* в значении «взять, захватить, овладеть, занять какую-то территорию».

В английском словаре приводятся два значения слова *occupant*: 1) *someone who uses a room, building, area of land, seat, bed, or other place during a period of time*; 2) *a person who has a particular job or position* [7]. Для сравнения, в словаре С. И. Ожегова оккупант определяется как «участник оккупации, захватчик» [4]. Очевидно, что в английском языке лексема *occupant* является нейтральной и обозначает человека, занимающего какое-то место, тогда как русское слово «оккупант» неразрывно связано с представлением о насильственном захвате территории в результате военных действий.

Таким образом, при заимствовании слова его значение сузилось и приобрело отрицательную коннотацию. Это хорошо видно при сопоставлении примеров из английских и русских газет.

«*The fee includes site maintenance and use of facilities, including a fitness centre, lake fishing and tennis courts. Finlake...is non-residential, although parent company Haulfrynhas some residential sites, which can be an **occupant's** permanent address...The company's area manager, Karen Stacey, has noticed an increase in people wanting to buy park homes...*» («Sunday Times», 08.02.2004). В этом фрагменте слово *occupant* означает жильца – человека, проживающего в конкретном доме.

«*...It can carry four able-bodied passengers plus luggage and can be transformed in less than one minute by folding the rear seats to carry a full size wheelchair with **occupant**, leaving the front seat for the partner or carer...*» («The Independent», 15.06.2004). В таком контексте *occupant* означает пассажира, т.е. человека, занимающего место в машине или автобусе.

«...война 1812 года – это была патриотическая война. Наполеон однозначно **оккупант**, мы там все сплотились, было партизанское движение...» («Комсомольская правда», 23.02.2013). Здесь «оккупант» предстает как синоним слов «завоеватель», «захватчик».

«Между прочим, не сомневаюсь, что в скором времени туда как ни в чем не бывало потянутся отдыхать и развлекаться многие и многие из тех, кто продолжает вопить, что Россия **оккупант** и отрицает право крымчан на выбор...» («Комсомольская правда», 19.05.2014). Статья посвящена политическим столкновениям в период присоединения Крыма к Российской Федерации. «Те, кто продолжают вопить», то есть противники этого присоединения, называют Россию оккупантом.

Итак, слово «оккупант», заимствованное русским языком, отличается и по значению, и по коннотациям от английского *occupant*.

3) **Separatist.**

Лексема *separatist* была образована в начале XVII в. от глагола *separate* с помощью прибавления греческого суффикса *-ist*. Глагол *separate* произошел от латинского прилагательного *separatus* означающего «отстраненный, держащийся обособленно от чего-либо, кого-либо» и впервые зафиксированного в 1600 г. Лексемы *separatist* (первый случай употребления – 1608 г.) и *separatism* (1628 г.) первоначально использовались для обозначения религиозных разделений. С 1871 г. слово *separatist* стало употребляться применительно к сторонникам обособления по политическим признакам.

В современном английском языке лексема *separatist* имеет значение «*someone who is a member of a particular race, religion, or other group within a country and who believes that this group should be independent and have their own government or in some way live apart from other people*» [6]. Как видно, на первом месте здесь расовые проблемы, на втором – религиозные. В толковом словаре русского языка значение слова связано исключительно с политикой: сепаратист – это «сторонник сепаратизма, т.е. теории, политики, основанной на стремлении к отделению и обособлению» [4].

Обратимся к корпусу английского языка: «*The detentions gave the first indication that Islamist – rather than Basque **separatist** – radicals were responsible, a development that could impact on today's election in Spain...*» («The Independent on Sunday», 14.03.2004); «*The murders shocked the expatriate community in Boracay...They also sparked security concerns on the island, which had hitherto been regarded as a safe place, far from the **separatist** and*

Communist insurgencies further south...» («The Independent», 25.05.2004). В обоих случаях слово *separatist* означает сторонника независимости определенного региона.

Аналогичные примеры дает корпус русского языка: «На каждого русского патриота вешается унижительный ярлык **«сепаратист»**. Средства бандеровской массовой информации постоянно употребляют оскорбительную формулировку «взбунтовавшееся национальное меньшинство» по отношению к русскоязычному населению...» («Известия», 08.04.2014); «Стало понятно: **сепаратист** будет отвечать за все прегрешения своих соплеменников за последние 26 веков. Так вот, у южных осетин была, без преувеличения, своя многовековая мечта: объединиться с северными соплеменниками, живущими под протекторатом России. Потому что на территории Грузии им было тяжело...» («Комсомольская правда», 20.04.2012). Во втором примере сепаратистом назван осетин, который борется за независимость своей республики от Грузии.

Как видно, в современной публицистике и значения, и контекст употребления русского слова *сепаратист* и его английского оригинала *separatist* полностью совпадают.

4) **Terrorist.**

Лексема *terrorist* (от французского *terroriste*) появилась во время Французской революции (1795). С 1866 г. слово «террорист» применялось к русским экстремистам-революционерам, с 1944 г. – к сторонникам еврейской тактики борьбы против англичан в Палестине. В наши дни это наименование обычно относится к члену подпольной или эмигрантской организации, стремящейся принудить правительство к каким-либо действиям путем актов насилия против него или его подданных.

Согласно словарю Макмиллана, *terrorist* – «*someone who uses violence in order to achieve political aims*» [7], т. е. тот, кто использует насилие для достижения политических целей. В толковом словаре русского языка значение слова «террорист» определяется как «участник или сторонник актов индивидуального террора» [4]. Террор, в свою очередь, означает «1. Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения. Политический т. Индивидуальный т. (единичные акты политических убийств); 2. Жесткое запугивание, насилие» [4]. Как видно, существенных расхождений между двумя языками в этом случае нет.

Обратимся к примерам. «*He told Israeli reporters later: "I could not breathe when I saw the photograph of the **terrorist**, who was represented as Snow White with an angelic smile, sailing on the blood of our children, our families that she murdered...*» («The Independent», 19.01.2004);

«Finally, he is presented as almost heroic: he did, after all, try to prevent his wife from boarding the fatal flight, and he did try to shield his son from the attention of spooks. Heroic, that is, by contrast with the ruthless Islamicist masterminding the operation, the **terrorist** who is the incarnation of evil, a sadist and torturer...» («The Independent on Sunday», date 25.01.2004); «...15 сентября этого года в Хайдарабаде уже прогремел аналогичный взрыв в автобусе, унёсший жизнь одного и ранивший двух пассажиров. Кроме того, именно в тюрьме этого города сначала прошёл судебный процесс, а теперь ждёт исполнения смертного приговора **террорист** Ахмед Шейх Омар за похищение и убийство в январе нынешнего года в Карачи американского журналиста Дэниела Перла...» («Известия», 15.11.2002); «В 1974 году ООП на саммите арабских лидеров была признана единственным законным представителем палестинского народа. После этого Арафат, больше известный Западу как арабский **террорист** № 1, впервые выступил с обращением к Генеральной ассамблее ООН. Он провозгласил новую цель палестинцев — создание на оккупированных Израилем в 1967 году землях, на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, отдельного государства...» («Коммерсантъ-Власть», 1999). Эти фрагменты газетных статей подтверждают, что значения лексем *terrorist* и *terrorist* совпадают как в словарях, так и в контекстах.

Итак, на примере четырех заимствований видно, что иноязычные слова при переходе в язык-реципиент не всегда сохраняют прежнее значение. Некоторые из них могут заимствоваться только в одном значении из нескольких, существующих в языке-источнике, либо приобретать дополнительные коннотации. Сходство русских англицизмов с их английскими оригиналами может оказать переводчику медвежью услугу. А поскольку интенсивность потока заимствований всё растёт, следует чаще обращаться к словарям и другим проверенным источникам информации, чтобы не допускать ошибок в употреблении и понимании таких слов.

Библиографический список:

1. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 96-118.
2. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА:Наука, 2012. 296 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (Дата обращения: 11.04.2020).
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.

5. A collection of English corpora [Electronic resource]. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/protected/query.html> (Access: 11.04.2020).
6. Cambridge dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Access: 17.04.2020).
7. Macmillan dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (Access: 13.01.2020).
8. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (Access: 18.04.2020).
9. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Access: 11.04.2020).

Sokolova A.V., Volkova S.B. **English borrowings in a socio-political context and their meaning in Russian**

English borrowings continue to penetrate actively into the Russian language. However, they are not always borrowed in all the meanings they have in the original language. Thus, the question of their usage in Russian is of great importance. The article presents a linguistic analysis of some words which are frequently used in a socio-political sphere: *националист* / *nationalist*, *оккупант* / *occupant*, *сепаратист* / *separatist* and *террорист* / *terrorist*. In each of these pairs, the Russian word was borrowed from the English language using calque. As a result, the conclusion had been drawn that such words may have different connotations in the language which is the source of borrowing and the recipient-language.

Keywords: borrowing, Anglicism, meaning, connotation, calque, transliteration

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-47-55

УДК 8. 81-23

А. А. Дасько

Соматизм «борода» в русском языке

Аннотация:

В статье представлено лексикографическое описание соматизма «борода», определены варианты его лексико-грамматической сочетаемости и проведен семантический анализ русских фразеологизмов с компонентом «борода». Материал исследования определен методом выборки на основе одноязычных и двуязычных словарей, а также Национального корпуса русского языка. Автор предлагает свою классификацию обозначения форм бороды.

Ключевые слова: соматизм, фразеологизм, лексикография, семантика, языковая картина мира

Об авторе:

Дасько Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, Государственный университет «Дубна», кафедра лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: dasko.anna@gmail.com

...борода моя опытнее ваших академий!

Н.М. Карамзин

Цель исследования – лексикографическое описание соматизма «борода», классификация лексико-грамматических вариантов сочетаемости лексемы «борода» и анализ семантики русских фразеологизмов с данным компонентом. В Национальном корпусе русского языка представлено 1 667 документов, включающих слово «борода», что характеризует это слово как достаточно высокочастотное, а также косвенно указывает на широкий спектр его семантических значений и богатую сочетаемость – лексическую и грамматическую. Эпиграфом к статье послужили слова из книги Н. М. Карамзина «Письма

русского путешественника», где они приписаны великому швейцарскому ученому Парацельсу, якобы начинавшему ими свои лекции.

Происхождение слова «борода» относят к XI в. и связывают с общеславянскими морфемами «бор» и «да» (последняя означала «колючая, острая»). В словаре М. Фасмера указано, что похожее слово есть и в других славянских языках (болг. *брада́*, сербохорв. *бра́да*, чак. *brāda*, словен. *bráda*, чеш. *brada*, польск. *broda* и т. д.), а также в литовском (*barzdà*) и латышском (*bârzda*, *bârda*); ему родственны латинское *barba* и древнепрусское *bordus*; возможно, сюда же относится древнесаксонское *bursta* («щетина») [17, с. 196]. Как видно, в столь разных языках аналогичное по значению слово имеет сходный по написанию и звучанию корень. Фасмер отмечает также родственность слов *бородатый*, польск. *brodaty*, сербохорв. *bràdam*, лит. *barzdótas*, лат. *barbātus* [17, с. 196].

Как показывают словари, в русском языке «борода» – многозначное слово. Оно может означать:

- часть лица (средняя часть нижней челюсти под губами);
- волосяной покров нижней части лица, щеках и подбородке мужчин;
- пучок длинной шерсти под мордой у некоторых животных;
- перья или мясистые образования, висящие под клювом у птиц – например, у индюка, петуха;
- фамильярное обращение к человеку, носящему бороду;
- то, что своим видом напоминает бороду;
- ритуальный предмет, символизирующий окончание жатвы (пучок оставленных в поле несжатых колосьев, пригнутых к земле, заплетённых косой или связанных ниткой, украшенных цветами); такая борода, сохраняемая крестьянами в полях, амбарах, под иконами, получала определения «божья», «дедова», «козья», «спасова», «николина» и т.п. [13, с. 230];
- скопление пчел, когда они сидят на улье и не работают;
- старая, уже слышанная история, чаще анекдот.

Бородой также именовался большой воротник округлой формы в русском женском национальном костюме, что отмечено в материалах фольклорно-этнографической экспедиции 2000 г. по Оленинскому району Тверской области [8]. Он представлял собой нагрудное украшение из металлизированной бахромы, уложенной вокруг шеи длинными

рядами, при этом верхний ряд несколько перекрывал нижний. В словарных статьях это значение слова «борода» не обнаружено.

Борода в русском языке выступает как культурно маркированный соматизм. В народной традиции она воспринималась как признак мужественности, жизненной силы, плодородия, зрелости [14, с. 229]. Лексема «борода» вследствие метонимического переноса может служить наименованием человека. Например: *Если Михаил Михайлович Пришвин – «борода увлекающаяся», Ключов Тарас Петрович – «борода неунывающая». И не знаю, что чудеснее, а, пожалуй, – борода бороды стоит!* [13]. Фамилия «Борода» включена Н. М. Тупиковым в словарь древнерусских собственных имён [15]. Принадлежать она могла как крестьянам, так и казакам, и посадским людям.

Борода в допетровской культуре считалась признаком взрослого мужчины. За ней тщательно ухаживали, расчёсывали и смазывали жиром для блеска. При Петре I велась борьба с ношением бороды как знаком сопротивления европеизации; бороды беспощадно рубились. Материалы Петровской эпохи содержат множество сведений о том, как «отрезанную насильно бороду носили на груди в мешочке, клали с собой в гроб, считали, что её надо будет предъявить св. Николаю, в качестве родовой святыни передавали из поколения в поколение. <...> В русском праве повреждение бороды расценивалось как большое преступление. <...> Лишение бороды служило высшей формой наказания» [14, с. 229].

Примеры из Национального корпуса русского языка свидетельствуют, что в разных контекстах борода может упоминаться как признак *зрелого возраста, опытности, славянина, великих героев западных народных эпосов, ислама, неухоженности, природности, свободомыслия, тайного умысла, священного благообразия, пережитка древности, святости, мужественности, силы, могущества* и т. д.

Упоминание о бороде может сочетаться с наименованием включенных в нее инородных элементов – *была в мелких сосульках; в лебедином жиру; в крови; в запёкшейся крови; с крошками печенья; в слезах; в хлебных и табачных крошках; в блевотине; заплёвана; обильно смазана тюленьим жиром; золотом обсыпана; засыпанная махоркой; снегом запорошена; побелевшая от муки; слезами покрылась; нечесаная в длинных сосулях.* Такие упоминания подчёркивают статус и состояние владельца бороды: сосульки, снег указывают на его неустроенность; слёзы, кровь, блевотина, слюна – на неопрятный внешний вид, связанный с неблагоприятными жизненными обстоятельствами; мука,

крошки, махорка – на род деятельности (работа мельником или пекарем) и привычки. Жир и золото указывают на достаток обладателя бороды: в купеческой среде тщательно расчёсанные и обильно смазанные жиром волосы у мужчин были выражением особой мужской красоты, о бороду принято было вытирать руки после обильной жирной трапезы. В сказке Л. А. Чарской борода царя описана как проявление его могущества: *совершенно белая, и в ней словно блески от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами вся она так и переливается*» [19].

Обратимся к сочетаемости лексемы *борода* в Национальном корпусе русского языка. Во-первых, зависимые от нее прилагательные говорят о состоянии бороды: *обледеневшая; подмоченная; мокрая; подпаленная; обожжённая; свежая; то ли будущая, то ли прошедшая; лунная; яростная; испытанная, текучая; сквозная; мягкая; сказочная; милая; кашемирская; бурная; лёгкая; сквозная; была помята; поредела* и т.д. Во-вторых, отмечаются природные свойства этой части тела: *колючая; жёсткая; плотная, густая; шелковистая; жидкая; жирная; мягкая, гибкая; шершавая.*

В-третьих, борода наделяется цветовыми характеристиками, которые впечатляют многообразием: *красная; почти кровавая; тёмно-красная; огненная; гнедая; рыжая; ярко-рыжая; рыжевато-седая; апельсинно-рыжая; светло-рыжая; тёмно рыжая; рыжевато-русовая, рыжевато-серая; с краев рыжая, а в середине – как лен; коричневая; каштановая; кирпичного отлива; ржавая; выкрашенная охрой; побуревшая; жёлтая; серо-жёлтая; желтоватая; лимонная; зеленовато-жёлтая; медовая; льняная; ярко-соломенная; золотая; золотистая; золотящаяся; почерневшего золота; зелёная; с зеленцой; серо-зелёная; синяя; светло-синяя; сизая; серая; грязно-серая; стального цвета; седая с желтизной; сивая; светло-сивая; серебряная; посеребренная; белая; бело-дымная; белокурая; желтовато-белая; изжелта-белая; чёрная; чернявая; чёрно-седая; ярко-чёрная; вороной масти; смоляная; русая; светло-русовая; мочального цвета; цвета пеньки* и т.д. Как видно, этот список включает наименования локальных и смешанных цветов, в том числе весьма сложные цветовые характеристики.

В-четвертых, при упоминании бороды говорится о ее размере: *небольшая; короткая; борода не борода, брить, вроде, нечего; средней величины; полуаршинная; в полуметр; могучая; долгая; длинная узкая; широкая; довольно объёмистого свойства; огромная; исполинская; борода с обширностью; узенькая.* С размером бороды связаны упоминания о ее границах: *начиналась прямо от ушей; начиналась близ самых глаз; по грудь; до полгруды;*

до самого живота; до пояса / по пояс / ниже пояса; до пупа; ниже пупка; до чресл; до колен; до самой земли; во всё лицо; до скул и т. д.

В-пятых, отмечается форма бороды (*острая, окладистая, округлая; круглая; неровная; квадратная; четверугольником; внизу раздвоенная; разделённая на два клинышка; заострённая* и т.д. В частности, указывается особенность бороды в зависимости от структуры волос (*курчавая; кудрявая; кольцами; полукольцами; завитками; каракулем; волнистая; космами; косицами*), их качества (*густая; пышная; пушистая; сухая; жидкая; редкая; редкая; три волосины* и т.п.), характера их укладки (*лохматая; распрёпанная; взлохмаченная; свалывшаяся; отросшая; подстриженная; расчёсанная; раздвоенная; приглаженная* и т.д.) и степени ухоженности (*неряшливая; неопрятная; аккуратная; ухоженная; холёная; выхоленная* и т.д.). Наконец, упоминается запах бороды: *душистая; раздушенная*.

Особенно разнообразны в русском языке обозначения форм бороды. Предлагаем классификацию таких обозначений. Она включает лексические группы, соотносимые:

- с именами собственными – как у *Космы Бессребренника; как у Черномора; марксова; толстовская; как у Хемингуэя; строгановская; пугачёвская; как у Авраама; аронова; как у Карабаса-Барабаса; на манер Достоевского; как у Конфуция; ван Дейк; Фу Манчу; Заппа; Франц Иосиф; Уинфилд; император Наполеон III; пугачевская; суворовская; шамильская; Дали; супер-Марио;*
- с формой предмета – *лопатой / лопатообразная; помелом; щёткой; окомелком (мочальная кисть для штукатурных работ); клином, клинышком; клинообразная; вилами; веником; торчащая перьями; велосипедный руль; парус; островок; воробей; короб; ширма / занавес; карандаш; якорь;*
- с национальностью: *испанского гранда; скандинавского типа; итальянского типа; ассирийская; хазарина; древнерусская; русская; реакционная русская; американская; цыганская; кавказская; французская вилка; старый голландец;*
- с субкультурой – *хипстерская; партийная; оперная; голливудская; интеллигентная; рэпперский стандарт;*
- с персонажами фольклора и литературы (включая Библию) – *апостольская; библейская; чародея; лешачья; чёртова; клингон;*
- с родом занятий – *капитанская; шкиперская; авиационная; поповская; гуру; профессорская; швейцара; философа; отшельника; старца; разбойничья;*

мужицкая; бандитская; кучера; мельника; тороватого купчины; возницы с просолом; щедрого доктора; директорская; царская; патриаршья;

- с формой части тела животных или птиц – *утиный хвост, козлиная (козья); куриная; лисья.*

В русской иконографии существовало несколько канонических вариантов изображения бороды. Они имели особые, профессиональные наименования: «Косьмина» – короткая, повторяющая овал лица; «Спасова» – короткая, заостренная и раздвоенная на конце; «Николина» – короткая, круглая; «аки Григорий Богослов» – густая и широкая, спускающаяся до груди; «Власиева» – клином, «долга по персям»; «аки Василий Великий» – узкая, «до персей подоле»; «аки Иоанникий Великий» – «борода велика и широка, на концы в две раскинулась»; «аки Филогоний» – «на оба плеча раскинулась»; «аки Захарий Пророк» – «до пояса длина»; «аки Макарий Римский» – клином «до полуколена»; «аки Макарий Египетский» – «по колени долга, а от колен два косма повелись до земли» [1].

Борода оценивается наблюдателем: *красивая; роскошная; великолепная; безобразная; живописная; несчастье одно, а не борода; добрая; выдающаяся; отличная; благообразная, знатная; почтенная; странная* и т. п. С помощью олицетворения она наделяется собственным характером, самостоятельными действиями: *борода потому и нравится женищинам, что шевелилась; вихрем разметалась; улыбнулась; борода моя скрипела, светилась несказанным блаженством; разлетелась; затряслась; расцвела; подрагивала; трясётся; заходила вверх-вниз; топорицилась; щетинилась; украшала; свербит; мела мелкие звёзды на лацканах мундира; трепетала на груди; щекочет и веселит; приподнялась; заелозила; продолжала смущать; первенствовала* и т. д. Борода может находиться в том или ином эмоциональном состоянии: *рассерженная; яростная; смиренно лежавшая на груди*. И, разумеется, она влияет на внешность своего владельца: *превращает то ли в факира, то ли в раввина; делала несколько старше; делала похожим на проповедника; смягчает лицо дикаря; изменила физиономию; придавала вид апостола; удлиняла лицо; старила; завершала облик; делала нераспознаваемым; придавала вид простака.*

Во фразеологических словарях русского языка обнаружено 11 фразеологических единиц, содержащих лексический компонент «борода»:

1. *Смеяться / посмеиваться в бороду* – смеяться незаметно, стараясь скрыть смех, подшучивая или не раскрывая какое-то знание, коим обладатель бороды владеет. «Смеяться

громко считалось неприличным, поэтому мужчины, сдерживая смех, прикрывали рот ладонью, делая вид при этом, что поглаживают бороду» [2].

2. *Анекдот с бородой* – старый, неоднократно слышанный анекдот или история. «Если случилось мне или ему повториться — тут же раздавалось: «Было!» или «Борода!» Приходилось начинать новый анекдот» [4].

3. *Синяя борода* – многожёнец-тиран / человек, жестоко относящийся к женщинам / плохо выбритый мужчина. Фразеологизм восходит к французской народной сказке, литературный вариант которой создан Шарлем Перро.

4. *Поглаживать бороду* – выражать хорошее настроение (либо, наоборот, недоверие); это поглаживание служит знаком задумчивости и размышления. Мусульмане постоянно поглаживают бороды во время молитвы. Однообразное движение свидетельствует о спокойном расположении духа.

5. *Не видать своей бороды* – клятвенное заверение в том, что обещание будет непременно исполнено.

6. *Борода с ворота, а ум в прикалиток* – высказывание о глупом человеке (ворота, широкие и высокие предназначены для въезда гружёного гужевого транспорта, а прикалиток узок и способен пропустить только пешехода).

7. *По бороде Авраам, а по делам Хам* – библеизм, характеризующий внешне благопристойного, но непорядочного человека.

8. *Мидасов брадобрей* – болтливый человек, человек, не умеющий хранить тайну. Выражение родилось из легенды о фригийском царе Мидасе, которого Аполлон наделил ослиными ушами; о них знал только брадобрей Мидаса. Мучаясь оттого, что тайну царя необходимо хранить, брадобрей выкопал яму и прошептал в неё: «У царя ослиные уши!». Из ямы вырос тростник, который поведал тайну всему свету (в другом варианте из тростника мальчик-пастушок сделал дудочку, которая запела голосом брадобрея).

9. *Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны* – высказывание об очень бедном человеке, не имеющем самого необходимого. Соха и борона здесь выступают как орудия жизнеобеспечения, а усы и борода – как признак природной силы и зрелости человека.

10. *Ты с бородой, да мы с усами* – обозначение соперничества; соответствует антонимической паре «оплошность – расторопность» или «сноровка – неприспособленность».

11. *Борода, дескать, выросла, а ума не вынесла* – противопоставление внешней зрелости и внутренней инфантильности; в русском языке оно обрело такую форму благодаря связи бороды с возрастом и соответствующими возрасту умом и мудростью.

Кроме того, существуют не отмеченные в академических словарях жаргонные выражения *расчёсывать королю бороду, поддерживать короля за бороду, подрезать бороду*. Все они относятся к игре в карты [8].

1. *Расчёсывать королю бороду* или *почёсывать королю бороду* в уголовном жаргоне означает «играть на деньги» (карточный король всегда изображается с бородой).

2. *Поддержать (держат) короля за бороду* – играть в карты, выиграть в карты. Об опытном картёжнике говорят «он крепко держит короля за бороду», т.е. ему сопутствует в игре удача.

3. *Подрезать бороду* – обыграть в карты. «Возможно, поначалу это было связано с оборотом «держать короля за бороду»: вроде крепко держал, а бородёнку глядь – и подрезали! Но нынче уже подразумевается не королевская борода, а волосатая пакля неудачливого картёжника» [8].

Таким образом, в русском языке слово «борода» имеет обширное культурологическое значение, богатую грамматическую сочетаемость и широкое семантическое поле.

Библиографический список:

1. «А ты такой красивый с бородой...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/topic/1953747-a-ty-takoj-krasivyj-s-borodoj-ili-chego> (Дата обращения: 29.04.2019).
2. Алабугина Ю., Михайлова О., Субботина Л. Современный универсальный словарь русского языка: 6 словарей: более 33 000 слов и выражений. М.: Астрель, 2011. 1021 с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 704 с.
4. Борода, усы и бакенбарды. Виды бород [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hair-man.ru/wp-content/uploads/2017/08/2253967abe8f73f781547c5f7ed261d2.jpg> (Дата обращения: 29.04.2019).
5. Весник Е. Дарю, что помню [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adview.ru/books/History_of_cinema (Дата обращения: 29.04.2019).
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (Дата обращения: 29.04.2019).
7. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.

9. Жиганец Ф. Забавы с королевской бородой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2003/06/25-131> (Дата обращения: 29.04.2019).
10. Кузьмина О. Ржевское узорочье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=3431> (Дата обращения: 29.04.2019).
11. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд., исправл. М.: Живой язык, 2005. 942 с.
12. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Русские словари, 1994. Т.1. 819 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1984. 816 с.
14. Ремизов А.М. Взвихрённая Русь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/remizov/ss10/01text/vol_5/01vzvihrennaya_rus/355.htm (Дата обращения: 29.04.2019).
15. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т 1: А–Г. М: Междунар. отношения, 1995. 584 с.
16. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских собственных имён [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://padaread.com/?book=37143&pg=70> (Дата обращения: 29.04.2019).
17. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (Дата обращения: 29.04.2019).
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. / Пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007. 671 с.
19. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
20. Чарская Л.А. Царевна Лыдинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/charskaja_1_a/text_0120.shtml (Дата обращения: 29.04.2019).
21. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Русский язык, 1997. 845 с.

Dasko A.A. Somatism "beard" in the Russian language

The article presents a lexicographic description of the word "beard", defines the variants of its lexical and grammatical compatibility, and performs a semantic analysis of Russian phraseological units with the "beard" component. The research material is determined by the sampling method and based on monolingual and bilingual dictionaries, as well as the National Corpus of the Russian language. The author offers his own classification of the designation of beard forms.

Keywords: somatism, phraseology, lexicography, semantics, language picture of the world

Социальные проблемы и стратегии их решения

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-56-63

УДК 364.7

О. Е. Виноградова

Диверсификация услуг и сервисов как стратегия конкуренции в социальной сфере

Аннотация:

Рассматриваются особенности деятельности социальных служб в условиях интеграции в систему экономических отношений, а также вопросы конкурентоспособности социальных организаций. Обосновывается перечень основных конкурентных стратегий социальных служб и особенности формирования процесса диверсификации услуг и сервисов в сфере социального обеспечения. Анализируется практика применения диверсификации услуг в социальных организациях Московской области. Сделан вывод о необходимости дальнейшей диверсификации данной сферы.

Ключевые слова: конкуренция на рынке социальных услуг, стратегии конкуренции, диверсификация услуг и сервисов, виды социальных услуг

Об авторе:

Виноградова Ольга Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социальной работы факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: y6593498@yandex.ru

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что выбор успешной стратегии в конкурентной борьбе в наши дни во многом определяет успех той или иной социальной организации.

Многие годы учреждения социальной работы рассматривались в нашей стране только как потребители бюджетных средств и не относились к организациям, в деятельности которых могут функционировать рыночные механизмы [1, с. 2, 54]. Однако с 2015 г., в результате вступления в силу закона «Об основах социального обслуживания

граждан в Российской Федерации» [6], они становятся полноценными игроками на рынке услуг, а государственные социальные службы начинают испытывать конкуренцию со стороны коммерческих и некоммерческих организаций.

По данным Министерства труда РФ, в 2019 г. около 25% поставщиков социальных услуг составили негосударственные организации. Благодаря некоммерческим организациям и предпринимателям создаются дома престарелых, реабилитационные центры, приюты для бездомных, интернаты для детей с отклонениями в развитии, центры поддержки лиц, подвергшихся жестокому обращению в семье и т. п.

Институционализация социальной помощи в регионах

В городе Дубне Московской области на начало 2020 г. социальные услуги населению оказывали три государственных учреждения:

- ГБУ «Дубненский центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Родник»;
- ГКУ СО МО «Дубненский реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Бригантина»;
- ГБСУ СО МО «Дом-интернат малой вместимости для граждан пожилого возраста и инвалидов «Рождественский».

Наряду с ними в городе действовали 15 социально ориентированных некоммерческих организаций¹. По итогам конкурсов негосударственные организации всё чаще становятся и исполнителями госзаказов по оказанию социальных услуг, и получателями бюджетных средств, которыми прежде безраздельно пользовались только социальные службы. Так, в реестр поставщиков социальных услуг Московской области включены 166 организаций, в том числе пять социально ориентированных из пяти муниципальных образований.

¹Автономная некоммерческая организация «Кинофестиваль детских и молодежных фильмов «Гудвин»; Благотворительная общественная организация «Служба правовой помощи»; Благотворительная общественная организация «Центр развития физической культуры и спорта Подмосковья»; Благотворительный фонд имени святителя Тихона Задонского; Благотворительный фонд «Олимп»; Благотворительный фонд поддержки здравоохранения; Благотворительный фонд поддержки физкультуры и спорта; Дубненская городская общественная организация инвалидов «Большая Волга»; Дубненская местная организация общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов»; Дубненская городская общественная организация «Социально-экологическое общество «Зеленая Дубна»; Дубненская общественная благотворительная организация русской мальтийской помощи; Дубненское благотворительное общество защиты и помощи животным; Межуниверситетский центр экологических инновационных проектов Подмосковья; Общественная организация помощи бездомным животным «Верный друг»; Региональный экологический центр «Дубна».

Объем услуг, оказываемых некоммерческими организациями, невелик по сравнению с тем, что предлагают муниципальные учреждения. Но темпы роста подобных организаций во всех субъектах Российской Федерации, их готовность браться за такие проблемы и помогать уязвимым категориям населения, которые остаются вне внимания государственных служб, говорят о нарастающей конкуренции в сфере социальных услуг.

Конкурентоспособность организации социальной сферы – реальная и потенциальная способность ее хозяйствующего субъекта удовлетворять конкретные общественные потребности за счет более эффективного, по сравнению с конкурентами, использования ограниченных экономических ресурсов в динамичных условиях рынка.

Стратегии конкуренции – это своеобразные сценарии поведения организаций на рынке товаров и услуг по отношению к своим конкурентам и при соответствующей стратегии развития [7, с. 22]. Специфика формирования конкурентных стратегий в социальной сфере во многом обусловлена отличиями социальных организаций от структур бизнеса. К ним относятся:

- естественная монополия государственных и муниципальных учреждений социальной защиты населения;
- преобладание малых и средних специализированных учреждений социальной работы, оказывающих индивидуальные услуги клиентам;
- жесткая территориальная сегментация социальных услуг, обусловленная географическим размещением учреждений социальной работы;
- преобладание личных контактов производителя и потребителя социальных услуг.

Исследования отечественных и зарубежных ученых свидетельствуют, что стратегии конкуренции в социальной сфере практически не отличаются от аналогичных стратегий в иных областях жизни общества. Представляется, что из всего многообразия существующих конкурентных стратегий [2, с. 234-237; 3, с. 84-85] для развития социальных служб наиболее эффективными могут быть диверсификация социальных услуг и сервисов; структурное строительство; формирование и использование кадровых ресурсов; развитие инновационных моделей и технологий работы; реинвестирование прибыли.

Анализ нормативных документов, информационных источников, тематических публикаций, опыта работы социальных организаций показывает, что лидеры на рынке социальных услуг наиболее активно используют стратегию диверсификации, сущность

которой заключена в предоставлении особых (желательно эксклюзивных), разнообразных социальных услуг и сервисов, формировании собственного (эксклюзивного) сегмента рынка услуг организации в интересах клиента и получения экономической выгоды.

Социальные службы предоставляют услуги нуждающимся гражданам с учетом строго определенных в законодательстве критериев [4, с. 84]. Услуги могут оказываться бесплатно (на основании федерального и регионального законодательства), за частичную плату (на основе тарифов) и за полную плату (так же на основе тарифов). В системе финансирования социальной работы всё заметнее поступления от платных услуг. Поданным Федеральной службы государственной статистики, доля пожилых людей, обслуживаемых на дому отделениями социальной службы за плату, по состоянию на 1 января 2020 г. составила 39,1% (за частичную плату – 77,2%). В Саратовской области, Республике Бурятия, Удмуртской Республике этот показатель превышает 80%, в основном за счет частичной оплаты социальных услуг.

Особенно интересен опыт диверсификации социальных услуг в Самарской области. Сейчас там 98,7% от общего количества клиентов социальных служб имеют доход, превышающий прожиточный минимум, и обслуживаются на условиях оплаты. Действуют тарифы на 59 гарантированных социальных услуг. Быстро развиваются и дополнительные платные услуги, которые учитывают потребности, особенности менталитета и традиций населения того или иного района Самарской области. Средства, полученные от реализации услуг в отделениях социального обслуживания, расходуются в интересах подопечных социальных служб: открываются социальные прачечные, парикмахерские, ателье по ремонту и пошиву одежды и т.д. Часть средств направляется на поощрение труда социальных работников.

Таким образом, рынок социальных услуг развивается преимущественно за счет увеличения числа услуг, предлагаемых клиентам учреждений социальной работы на платной основе. А доля лиц, получающих такие услуги бесплатно, постепенно снижается, причем эта тенденция, скорее всего, сохранится и в будущем.

Этот процесс имеет объективные причины, поскольку социальная политика государства, направленная на повышение жизненного уровня пенсионеров и инвалидов, предусматривает регулярное повышение пенсий и пособий. Соответственно часть клиентов муниципальных социальных служб, ранее получавших социальные услуги на бесплатной основе, в соответствии с законодательством переводится в разряд клиентов, частично

оплачивающих социальные услуги, поскольку их доходы превышают установленный в регионах прожиточный минимум.

В различных субъектах Российской Федерации всё активнее развиваются частные агентства по оказанию платных социальных услуг населению. При этом коммерческие организации стремятся охватить лишь наиболее прибыльные сегменты рынка социальных услуг, ориентируясь на платежеспособный спрос населения и формируя коммерчески эффективный ассортимент предложений. Так, по данным Министерства социального развития Московской области, наибольшим спросом у населения пользуются медико-социальные и социально-бытовые услуги, патронаж, услуги социально-психологической помощи, предусматривающие коррекцию психологического состояния граждан для их адаптации в среде обитания, а также ритуальные услуги [5]. Многие частные агентства по оказанию социальных услуг расширяют свой рынок за счет весьма состоятельных клиентов. Так появляются агентства по уборке квартир, фирмы, которые отказывают патронажные услуги или специализируются на лечении от алкогольной и наркотической зависимости.

Сегодня рынок социальных услуг – это большое число организаций, оказывающих такие услуги, с одной стороны, и клиентов социальных служб, покупающих услуги, с другой. В силу этого деятельность учреждений социальной защиты испытывает на себе влияние следующих тенденций:

- в системе социального обеспечения сосуществуют разные виды социальных услуг: те, что гарантируют обеспечение государственных минимальных социальных стандартов; те, что обеспечивают социальную помощь населению; услуги социального страхования; платные социальные услуги и пр.;
- в сфере социальных услуг выделяются три группы потребителей, которые образуют соответствующие рынки: потребители-организации, потребители-личности, и потребители-органы государственного и регионального управления;
- экономические свойства социальных услуг (цена, прибыль, рентабельность) носят подчиненный характер по отношению к их общественной значимости. В работе социальных организаций приоритетны социальные показатели, а не стоимостные;
- существует ограниченность рыночного регулирования социальной сферы, а значит, и необходимость определения допустимых границ рыночного регулирования в различных секторах социальной работы.

Диверсификация социальных сервисов планомерно и эффективно развивается в учреждениях органов власти всех уровней. На сайте «Госуслуги» клиенты могут оперативно, по принципу «одного окна», в электронном виде оформить льготы и компенсации, заказать выписку из федерального регистра лиц, имеющих право на получение социальной помощи, управлять средствами пенсионных накоплений, записаться на прием в Пенсионный Фонд РФ, получить информацию о социальных выплатах и заказать соответствующую справку и др. Перечень услуг, предлагаемых сервисом, постоянно дополнялся и корректировался в течение 2020 г. – даже в условиях пандемии. В государственном секторе социального управления диверсификация происходит в основном за счет цифровой трансформации.

В социальных службах диверсификация осуществляется путем формирования пакетов разнообразных собственных услуг. Эти пакеты формируются по двум критериям: соответствие услуг конкретным потребностям населения, проживающего на территории, и ресурсные возможности сотрудников социальных служб.

Так, руководствуясь первым критерием, социальные учреждения городов Балашиха и Реутов предлагают услуги по сопровождению детей в дошкольные и школьные учреждения, бассейны, секции, кружки. В городе Озеры Центр социального обслуживания принимает заявки на доставку лекарств и цветов, уборку квартир, приусадебных участков и мест захоронений, покраску оград, перевозку инвалидов-колясочников. Центр социального обслуживания в городе Железнодорожный организовал пункт проката технических средств реабилитации и средств ухода.

Исходя из второго критерия, Центр социальной помощи семье и детям города Дмитров предлагает большой пакет платных социальных услуг для всех категорий семей – консультации психологов и юристов, занятия с логопедом, занятия в творческих группах (фотография, изобразительное искусство, эстрадный вокал, моделирование одежды), занятия в группах развития, организацию праздников. В городе Королев Центр социального обслуживания оказывает бесплатные и платные услуги по социальной и медицинской реабилитации. Дубненский Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Родник» предлагает услуги пункта проката, социального такси, соляной комнаты, обучение компьютерной грамотности, а также занятия в «Школе ухода» и «Университете третьего возраста».

Диверсификация социальных услуг и сервисов имеет следующие особенности:

- разработка конкурентной стратегии учреждений социальной защиты сложнее, чем в сфере материального производства, поскольку клиент сам участвует в процессе социального обслуживания;
- конкурентная стратегия социальной службы, особенно на уровне регионов, зависит от специфики территории и тех социальных проблем, которые для нее характерны (при этом оценка конкурентной среды в регионе носит второстепенный характер);
- объемы оказания социальной помощи и поддержки неравномерны во времени – в период кризиса они увеличиваются (из бюджета, как правило, выделяются дополнительные средства), а в период стабилизации могут сокращаться;
- преимущество отдается развитию платных социальных услуг и расширению рынка сбыта;
- цены на социальные услуги носят фиксированный характер; предложение тоже в основном фиксировано, хотя и подвержено колебаниям.

Вывод

Стратегия диверсификации эффективна, если социальная служба желает избежать чрезмерной зависимости от одного направления своей деятельности и активно развивает дополнительные виды услуг. Эта стратегия предполагает разработку новых и обновление апробированных видов социальных услуг, предлагаемых клиентам на платной основе. Конкуренция становится основной движущей силой социального производства, а сама услуга – орудием конкурентной борьбы.

В процессе диверсификации возможно создание более гибкой системы социальной помощи, способной реагировать на любые общественные перемены. Такая система поможет сгладить напряженность в обществе и усовершенствовать социальную защиту населения.

Библиографический список:

1. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.03 / Барков Алексей Владимирович. М., 2008. 60 с.

2. Зайцев Д.В. Организация, управление и администрирование в социальной работе: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2013. 264 с.
3. Заплетина Н.И. Особенности формирования конкурентных стратегий социальных служб на рынке социальных услуг // Сб. Современная конкуренция. М.: Синергия, 2012. №1 (31). С. 83-94.
4. Кицай Ю.А. Конкуренция в социальной сфере как объект правового регулирования [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 83-86. Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11199/> (Дата обращения: 16.10.2020).
5. Официальный сайт Министерства социального развития Московской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: msrmo@mosreg.ru (Дата обращения: 10.11.2020).
6. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2013. № 52 (часть I). Ст. 7007.
7. Шишкин С.В., Заборовская А.С. Формы участия населения в оплате социальных услуг в странах с переходной экономикой [Электронный ресурс]. М: ИЭПП, 2004 70 с. Режим доступа: [http://tlib.gbs.spb.ru/dl/6/Шишкин СВ Формы участия населения в оплате социальных услуг в странах с переходной экономикой.PDF](http://tlib.gbs.spb.ru/dl/6/Шишкин_СВ_Формы_участия_населения_в_оплате_социальных_услуг_в_странах_с_переходной_экономикой.PDF) (Дата обращения: 09.11.2020).

Vinogradova O.E. **Diversification of services as a competition strategy in the social sphere**

The article examines the peculiarities of social services in the context of integration into the system of economic relations, as well as the competitiveness of social organizations. The list of the main competitive strategies of social services and the peculiarities of the process of diversification of services and services in the field of social security is substantiated. The practice of applying diversification of services in social organizations of the Moscow region is analyzed.

Keywords: competition in the social services market, competition strategies, diversification of services and services, and types of social services

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-64-78

УДК 316.7

И.В. Долгорукова, Т.В. Мотакова

Социокультурные детерминанты корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области

Аннотация:

Корпоративная культура любой организации основана на особом отношении между сотрудниками, между сотрудниками и клиентами, отношении к своей трудовой деятельности и деятельности организации в целом, взаимоотношениями организации с теми, с кем она взаимодействует. Корпоративная культура является важной составляющей деятельности учреждений социального обслуживания. В статье рассмотрены социокультурные детерминанты корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области. Выявлены направления ее развития.

Ключевые слова: Корпоративная культура, социально-культурные детерминанты, ценности, социальное обслуживание, трудовая деятельность

Об авторах: Долгорукова Ирина Владимировна, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, профессор факультета социологии; эл. почта: DolgorukovaIV@rgsu.net

Мотакова Татьяна Владимировна, Российский государственный социальный университет, магистрант факультета социологии; эл. почта: motakova.t@mail.ru

Корпоративная культура – это социокультурный феномен, проявляющийся в нормах, ценностях, правилах поведения, традициях, внешних атрибутах и многом другом. Понятие «корпоративная культура» обобщенно определяют как совокупность определенных ценностей, идеалов, правил, норм в отдельном трудовом коллективе. Благодаря корпоративной культуре организация становится способной преодолеть трудности, успешно справиться с решением проблем, как внешних, так и внутренних. Термин «корпоративная культура» указывает на доминирование общих интересов перед частными внутри отдельно взятой организации. Корпоративная культура необходима для развития организации и осуществления долгосрочной эффективной деятельности.

На современном этапе развития общества происходят значительные изменения подходов к управлению персоналом. Современная корпоративная культура не только характеризует организацию, но и влияет на процесс управления персоналом. При этом каждое из проявлений корпоративной культуры является ее социокультурной детерминантой. В связи с этим актуальность приобретает исследование корпоративной культуры как социокультурного феномена.

Поскольку эффективность деятельности учреждений социального обслуживания Московской области обусловлена уровнем развития корпоративной культуры, то цель нашего исследования заключается в выявлении ее социокультурных детерминант, а задача – в рассмотрении специфики корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области.

Проблематика исследования корпоративной культуры носит междисциплинарный характер. Методологической основой исследования стали концепции классической и современной социологии М. Вебера [8], Э. Дюркгейма [15], Т. Парсонса [31], П. А. Сорокина [23], П. Штомпки [28], Э. Гидденса [11].

Применялись институциональный и системный подходы. Также использовался антропологический подход, теория личности В. М. Бехтерева [6], согласно которой в структуре индивида выделены три уровня. Духовный уровень составляют духовные потребности - нравственность, совесть, справедливость, служение людям и т.п. Социальный уровень составляют социальные потребности – семья, друзья, профессия, отдых, карьера и т.п. Материальный уровень составляют биологические потребности – одежда, дом, пища.

Исследование проводилось методами включенного и невключенного наблюдения, анализа.

Изучению корпоративной (организационной) культуры посвящены научные труды зарубежных исследователей А. Кеннеди [30], Т. Дила [30], Э. Шейна [26], Г. Трайса [29], Дж. Бейера [29], И. Ансофф [4], Р. Уотермена [21], Т. Питерса [21] и других. В этих работах были выявлены и охарактеризованы модели культуры, выделены и проанализированы ее элементы.

Э. Х. Шейн [26] одним из первых стал подробно изучать структуру организационной культуры, рассматривая ее в аспектах базовых представлений, артефактов и ценностей.

Г. Трайс и Дж. Бейер [29] исследовали организационную культуру с позиций церемоний, ритуалов и обрядов. Они попытались систематизировать многочисленные трактовки этого понятия, выделив определенные категории. А. Кеннеди и Т. Дил [30] также

считали формами организационной культуры ценности, ритуалы и героев организации. В числе первых они стали использовать понятие «корпоративная культура» и первыми разработали организационной культуры, которая используется в современном менеджменте. Т. Питерс и Р. Уотермен [21] анализировали организационную культуру, выделяя в качестве ее главных катализаторов идеологию и ценности. И. Ансофф исследовал корпоративную культуру, исходя из сформулированного им определения, что корпоративная культура это «ключевые или доминирующие ценности, поддерживаемые организацией» [4, с. 98].

Изучению корпоративной культуры посвятили свои научные работы российские исследователи Т. Ю. Базаров [16], А. Л. Журавлев [17], Г. М. Андреева [2], С. С. Фролов [24], Т. Н. Персикова [20], В. А. Баринов [5], О. С. Виханский [10], В. А. Спивак [22] и другие. В их работах подробно рассмотрены и изучены организационная культура, культура коммуникаций, культура управления, элементы корпоративной культуры, такие как нормы, ценности, традиции. В.А. Спивак [22], Т.Ю. Базаров [16], О.С. Виханский [10], изучали корпоративную культуру с позиций управления персоналом. А. Л. Журавлев [17], Г. М. Андреева [2], работали в рамках социально-психологического подхода к исследованию профессиональной деятельности. С. С. Фролов [24] проводил исследования профессиональной деятельности в аспекте образования команды. В. А. Баринов [5], Т. Н. Персикова [20] исследовали корпоративную культуру в рамках рационально-прагматического направления,

Многие зарубежные и отечественные ученые отождествляли понятия «корпоративная культура» и «организационная культура». По определению Э. Шейна, «организационная культура – это система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются как ценность и передаются новым членам группы в качестве правильной системы восприятия, мышления и чувствования в отношении названных проблем» [26, с. 37]. Данное определение используется и для термина «корпоративная культура».

Организация представляет собой сложную структуру. Каждой организации присуща своя особая корпоративная культура, но при этом она обязательно должна быть эффективной, поскольку призвана способствовать достижению целей деятельности организации. В связи с этим важное значение имеет формирование и развитие эффективной корпоративной культуры в учреждениях социального обслуживания населения. Деятельность таких учреждений заключается в предоставлении социальных услуг

нуждающимся в них гражданам, в том числе детям-сиротам, инвалидам, малоимущим гражданам, людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Содержание социальных услуг составляют различные виды и формы социальной защиты и помощи социально незащищенным гражданам, основные из них социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-экономические, социально-правовые.

Понятие «эффективность деятельности» подразумевает степень результативности функционирования учреждения как системы, степень достижения цели, организованности в сопоставлении с производственными затратами. Показатели эффективности деятельности учреждений социального обслуживания Московской области утверждены приказом Министерства социальной защиты населения Московской области от 30 июля 2014 года № 18П-205 «Об организации работы по оценке эффективности деятельности государственных учреждений социального обслуживания Московской области, подведомственных Министерству социального развития Московской области», они включают в себя:

- Выполнение государственного задания;
- Качество предоставления услуг (выполнения работ) учреждениями социального - обслуживания каждого вида;
- Обеспечение комплексной безопасности учреждения и проживающих (пребывающих) в нем граждан;
- Оснащенность учреждения помещениями, оборудованием, техническими и иными средствами, необходимыми для качественного оказания социальных услуг и соответствующими установленным нормам и нормативами;
- Отсутствие массовой заболеваемости обслуживаемых граждан инфекционными, респираторными, желудочными заболеваниями;
- Удовлетворенность граждан качеством и доступностью предоставления социальных услуг;
- Проведение информационно-разъяснительной работы среди граждан, а также популяризация деятельности учреждения;
- Отсутствие чрезвычайных происшествий в учреждении;
- Проведение и участие в мероприятиях или конкурсах;
- Создание попечительского совета в учреждении;
- Осуществление инновационной деятельности;

- Оказание дополнительных социальных услуг: служба сиделок, социальное такси, пункт проката технических средств реабилитации (ТСР).

Показатели эффективности оцениваются по критериям оценки эффективности и результативности работы руководителя учреждения и выражаются в баллах. Периодичность оценки – ежеквартальная. На основании оценки формируется система рейтингов учреждений социального обслуживания Московской области с выделением лучшего учреждения по каждому виду. Рейтинги публикуются на официальных сайтах Министерства и учреждений.

Показатели эффективности деятельности работников учреждений социального обслуживания Московской области разрабатываются и утверждаются в каждом учреждении в зависимости от их вида на основании приказа Министерства социальной защиты населения Московской области от 28 ноября 2013 года № 372 «Об утверждении рекомендуемых минимальных показателей эффективности деятельности работников государственных учреждений социального обслуживания Московской области, подведомственных Министерству социальной защиты населения Московской области, критериях оценки эффективности и результативности их работы». Общими для работников всех учреждений являются:

- Выполнение государственного задания;
- Соблюдение положений Кодекса профессиональной этики;
- Выполнение дополнительных функций, не входящих в должностные обязанности;
- Освоение программ подготовки и дополнительного профессионального образования работников по направлению работодателя;
- Участие в методической работе, инновационной деятельности, использование новых эффективных технологий в процессе социального обслуживания граждан;
- Участие в конкурсах профессионального мастерства, экспериментальных группах и т.д.;
- Проявление инициативы, влияющей на повышение качества оказываемых услуг;
- Удовлетворенность граждан качеством и количеством предоставленных социальных услуг;
- Своевременность и полнота ведения учетно-отчетной документации;
- Выполнение должностных обязанностей сверх установленных норм;

- Особые условия работы на обслуживаемом участке, территории;
- Активное участие в организации и проведении мероприятий, направленных на социальную реабилитацию и социальную адаптацию граждан;
- Активность в работе, готовность к взаимозамене, осуществление связи с организациями и учреждениями различных форм собственности;
- Оперативное выполнение особо важных и особо срочных работ;
- Проведение информационно-разъяснительной работы среди граждан.

Для работников в зависимости от занимаемой должности, профессии показатели конкретизируются. Они оцениваются по критериям оценки эффективности и результативности работы и выражаются в баллах. В соответствии с количеством набранных баллов каждому работнику индивидуально начисляется ежеквартальная и ежегодная стимулирующие выплаты.

Московская область обладает развитой сферой социального обслуживания. По данным официального сайта Министерства социального развития Московской области, в настоящее время на территории Московской области функционируют 55 социально-реабилитационных центров, 48 комплексных центров социального обслуживания населения, 11 психоневрологических интерната, 16 домов-интернатов для граждан пожилого возраста и инвалидов, 7 детских домов-интернатов, 46 центров занятости населения и другие. От эффективности работы учреждений зависит жизнь, здоровье и благополучие десятков тысяч жителей Московской области, нуждающихся в социальной помощи и поддержке.

Одной из важнейших детерминант корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области выступают профессиональные ценности, представляющие собой идеалы для работников, это цели, на достижение которых направлена деятельность социальных учреждений. Т. Питерс и Р. Уотермен пришли к выводу, что именно ценности и идеология способствуют достижению успеха в производственных отношениях [21, с. 49].

Профессиональные ценности помогают работнику понять, что качество выполняемой им работы имеет большое значение не только для него самого, но и для всего трудового коллектива. Оказывая непосредственное влияние на труд отдельно взятого работника, в сумме они дают рост и влияют качество оказываемых социальных услуг.

Понятие «качество» означает, что выполненная работа соответствует идеальному образу, состоящему из процесса, результата, сопоставимости цели и результата и достижение цели с наименьшими затратами. Качество оказания социальных услуг

оценивается в соответствии со статьей 23.1 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Согласно пункту 1 указанной статьи независимая оценка качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления получателям социальных услуг информации о качестве условий оказания услуг организациями социального обслуживания, а также в целях повышения качества их деятельности. Общественными организациями в учреждениях не реже одного раза в три года проводится оценка условий оказания услуг по таким общим критериям, как открытость и доступность информации об организации социального обслуживания; комфортность условий предоставления социальных услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг; доброжелательность, вежливость работников организации социального обслуживания; удовлетворенность качеством условий оказания услуг, а также доступность услуг для инвалидов.

Каждая сфера трудовой деятельности характеризуется определенным набором профессиональных ценностей. Большинство работников учреждений социального обслуживания Московской области составляют специалисты по социальной работе, социальные работники, медицинские работники, психологи, педагоги. Исходя из этого, можно определить, что для работников учреждений социального обслуживания профессиональными выступают ценности альтруизма, милосердия, социальной справедливости, самоотдачи.

По определению В. А. Спивака, корпоративная культура – это «система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды». [23, с. 27] Это свидетельствует о том, что система корпоративных ценностей складывается из множества личных ценностей большинства работников и формирует корпоративное поведение и общение.

Уровень развития корпоративной культуры зависит от уровня образования, культуры, интеллекта, опыта работы в социальной сфере, которым обладают сотрудники учреждения. Это еще одна социокультурная детерминанта корпоративной культуры учреждений социального обслуживания. Она определяет миссию и ценности, которые способствуют достижению цели деятельности учреждения. С повышением уровня образования, культуры, с развитием интеллекта работников и руководителей возрастает качество выполняемой ими работы. В результате целенаправленного обучения происходит

формирование и развитие их системы ценностей, из которой складывается система ценностей учреждения. Например, в ГАУСО МО «Комплексный центр социального обслуживания и реабилитации «Журавушка» (г. Егорьевск) создано специализированное структурное образовательное подразделение - Организационно-методическое отделение, в котором проводится профессиональное обучение и повышение квалификации работников социальной сферы, обобщаются и внедряются передовые виды и формы социального обслуживания, разрабатываются и распространяются методические и информационные материалы по актуальным вопросам социального обслуживания. Все мероприятия, особенно оказание методической консультативной помощи работникам социальных учреждений Московской области, обобщение и распространение передового опыта работы социальных учреждений Московской области способствуют росту не только профессионального мастерства, но и интеллекта в целом работников социальной сферы. В результате практического применения полученных знаний повышается качество оказания услуг в социальных учреждениях Московской области, о чем свидетельствуют результаты независимой оценки качества и первые места в рейтинге учреждений социального обслуживания, подведомственных Министерству социального развития Московской области.

Процесс формирования корпоративной культуры учреждения и контроль за ее развитием осуществляет руководитель. Соответственно, особую важность приобретают и такие качества руководителя как стиль ведения дел, настроение, культура делового общения, стиль в одежде. Оценивают качество управления работники учреждения, каждое индивидуальное мнение работников складывается в единое целое, и так получается общая оценка. При системном подходе к анализу культуры отдельного работника и культуры учреждения в целом важно отметить, что и работник, и коллектив представляют собой системы, находящиеся во взаимодействии между собой. Они могут быть как закрытыми, так и открытыми, но в любом случае коллектив как система складывается из взаимной корреляции руководителя и сотрудников, поскольку они как индивиды являются носителями определенных ценностей по трем уровням – материальному, идеологическому (или социальному) и духовному [18, с. 100].

Личность руководителя, его профессионализм во многом способствуют формированию и развитию корпоративной культуры учреждения и, соответственно, его успешной деятельности. Например, в ГАУСО МО «Комплексный центр социального обслуживания и реабилитации «Журавушка» с назначением **в январе 2007 года** директора Головушкиной Лидии Владимировны в деятельности учреждения произошли значительные

перемены. По информации официального сайта учреждения, «с приходом нового директора в Центре поменялось все: коллектив стал думать, работать по-новому, появилось желание двигаться вперед, быть лучшими. Большие творческие усилия коллектива были направлены на улучшение условий проживающих. Успешно реализованы дизайнерские предложения директора по благоустройству территории и из заброшенного парка территория превратилась в красивый, ухоженный сквер, похожий на цветущий оазис: оборудованный декоративными формами, с хорошим освещением, с фонтанами и цветниками, альпинарием, зоной для отдыха». В 2015 году центр социального обслуживания официально определен базовым учреждением по внедрению и реализации инновационных социальных практик в работе с пожилыми людьми и инвалидами. Без общих усилий директора и сотрудников такой результат не мог быть достигнут.

Неотъемлемой составляющей корпоративной культуры является проведение различных корпоративных мероприятий, направленных на единение трудового коллектива, а значит и на повышение качества работы всего учреждения.

В учреждениях социального обслуживания Московской области проводятся совместные мероприятия, связанные с празднованием официальных праздников, памятных и юбилейных дат учреждений, с собраниями трудовых коллективов, на которых решаются организационные вопросы. Из неофициальных совместных мероприятий можно отметить празднование дней рождений и юбилеев сотрудников, совместные посещения культурно-массовых мероприятий (выставки, концерты, музеи, театры), и то часто они ограничивается только коллективом отдельно взятого структурного подразделения. Официальные мероприятия проводятся для протокола, для отчетности, а неофициальные - для развлечения. И те, и другие мало способствуют формированию в учреждениях коллективных ценностей, поскольку они не связаны непосредственно с достижением целей деятельности учреждений.

Например, 15 ноября 2019 года в ГБУСО МО «Талдомский дом-интернат малой вместимости для граждан пожилого возраста и инвалидов «Березка» на официальном мероприятии, посвященном празднованию 25-летнего юбилея учреждения, из 48 сотрудников присутствовало 34. Отсутствовали по уважительным причинам 3 человека. Без уважительных причин отсутствовали 11 человек, из них 8 человек должны были награждаться почетными наградами. Каждый из 45 работников был заблаговременно за три недели персонально трижды проинформирован своим непосредственным руководителем, заместителем директора и специалистом по кадрам. Информирование проводилось один раз в неделю индивидуально с каждым работником. Каждому работнику лично трижды

была разъяснена важность проводимого мероприятия и их присутствия на нем. Работникам, награждение которых планировалось на торжественной части мероприятия, была подробно разъяснена информация о награждении. Заблаговременно, за три недели, на информационных стендах во всех структурных подразделениях были повешены объявления о мероприятии и информацией об обязательности присутствия. На торжественной части было очень неловко и неприятно при виде пустующих кресел в зале, когда выступали приглашенные артисты и местные творческие коллективы, в том числе детские. Особенно обидно за учреждение было, когда директор и приехавшие заместитель главы Администрации Талдомского городского округа, депутаты Московской областной Думы, начальник Талдомского управления социальной защиты населения называли имена награждаемых сотрудников, отмечали их достижения, а вместо них за наградой выходили на сцену начальники.

Поскольку празднование проводилось в будний день и в рабочее время, директор потребовал от каждого сотрудника объяснения причин отсутствия. Все 11 человек ответили, что не пришли потому, что им празднование юбилея было неинтересно и не нужно. Таким образом, в официальном мероприятии не приняли участие около 25% сотрудников.

На неофициальное бесплатное мероприятие в кафе-баре также каждый из 45 сотрудников был приглашен заранее персонально. Работникам разъяснялось, что банкет бесплатный, их туда привезут на машинах бесплатно, для каждого заказано место, и что тоже надо присутствовать хотя бы в начале мероприятия. Но присутствовали только 18 человек из 34 бывших на торжественной части. Не пошли на банкет 16 человек. На уговоры побыть там хотя бы недолго все ответили отказом. Причина у всех была одна – нежелание. Из-за этого еще более неприятная ситуация создалась и в кафе-баре. На банкете присутствовали те же гости, что и официальной части. Но здесь пустующих мест было 27, поскольку заказано было 45, т.е. точно по числу сотрудников. Таким образом, на неофициальном мероприятии отсутствовало около 60% сотрудников.

Все это свидетельствует об отсутствии интереса работников к совместным мероприятиям, и к официальным, и к неофициальным. Ни торжественная часть с концертом и награждением, ни бесплатный банкет с музыкой и танцами не имеют ценности для работников, не способствуют сплочению коллектива.

В связи с этим выявляется социокультурная детерминанта корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области – проведение профессиональных корпоративных мероприятий, целью которых является формирование

сплоченности трудового коллектива и социализации его новых членов. Их характерными признаками являются коммуникативность, отсутствие принуждения, согласие всех участников с установленными правилами, свобода выбора для творчества и проявления своей индивидуальности, характер, отличный от общественного труда и обучения. Если мероприятия проводятся целенаправленно, их программа тщательно продумана, связана с корпоративной тематикой, то трудовой коллектив становится более сплоченным за счет того, что каждый участник чувствует свою значимость в коллективе, осознает себя частью единого целого, уясняет необходимость качественного выполнения своих трудовых функций.

Таким образом, только корпоративные мероприятия, направленные на формирование корпоративной культуры, становятся мощным инструментом управления персоналом и способствуют росту эффективности деятельности учреждений.

Индивидуальность каждого сотрудника важно учитывать, это тоже социокультурная детерминанта корпоративной культуры учреждения, так как она определяет социокультурные особенности в группах сотрудников, образуемых в учреждении. Сотрудники стремятся общаться с теми, кто разделяет их взгляды, имеет схожие интересы, обладает похожим темпераментом.

Социально-психологический климат учреждений социального обслуживания и их отдельных структурных подразделений тоже является социокультурной детерминантой их корпоративной культуры. Определить социально-психологический климат учреждения можно при помощи оценки преобладающего среди персонала относительно устойчивого психологического настроения, отражающего реальную ситуацию трудовой деятельности и характер межличностных отношений [27, с. 40]. Оценить социально-психологический климат в коллективе можно по степени согласия членов коллектива с моральными нормами и обязанностями. Так в коллективе создается общность целей и интересов работников. В данном случае показателем социально-психологического климата в коллективе будет уровень сплоченности всех работников. Оценка социально-психологического климата определяется также по степени усвоения работниками правил поведения и групповых норм в учреждении. У новых работников постепенно формируется и развивается чувство приверженности к учреждению. Вторым показателем климата будет уровень идентификации работника с учреждением. По степени удовлетворенности организацией трудового процесса, его содержанием, оплатой труда, взаимоотношениями с сотрудниками и руководством можно судить о социально-психологическом климате. В совокупности

уровень удовлетворенности по всем показателям становится третьим показателем климата учреждения [27, с. 40].

Социально-психологический климат учреждений характеризуется тем, каким образом корпоративная культура учреждения или структурного подразделения воспринимается работниками, какие эмоции и чувства она у них вызывает, какое у них отношение к своим должностным обязанностям, каковы отношения между работниками в учреждении или структурном подразделении, или между работниками разных структурных подразделений. В учреждении создается комфортный социально-психологический климат, оказывающий положительное влияние на трудовую деятельность сотрудников, путем приобщения к корпоративной культуре учреждения каждого сотрудника и образуемых групп. Сплоченность членов трудового коллектива создается на основе согласия работников следовать миссии учреждения, достижению общих целей, соблюдать морально-этические нормы, качественно выполнять свои трудовые функции. Корпоративная культура помогает формировать, развивать и поддерживать в работниках чувство приверженности учреждению и усваивать определенные нормы и правила.

Формирование и развитие корпоративной культуры учреждений социального обслуживания определяется и рядом внешних социокультурных детерминант. Так, немаловажное значение имеют экономическая ситуация, духовная культура общества, религия, различные национальности. Например, по данным опроса ВЦИОМ, в России 63% населения исповедуют православную религию. Московская область относится к православным регионам, где традиции православия поддерживаются и находят свое отражение в культуре русского народа - в характере, формах помощи и поддержки человека. С православными традициями связаны развитие милосердия и благотворительности. Именно такими качествами, как способность к состраданию, к проявлению заботы и милосердия, обладают социальные работники, чья задача оказывать непосредственную помощь детям-сиротам, одиноким старикам, инвалидам. Корпоративная культура является отражением норм, ценностей, культурных традиций социума. Это свойство характерно для учреждений социального обслуживания Московской области, но, в то же время, корпоративная культура каждого учреждения индивидуальна. Большое значение для деятельности учреждений социального обслуживания Московской области имеет уровень технической оснащенности учреждений, например, в домах-интернатах для престарелых и инвалидов оборудование специальной мебелью и приспособлениями (функциональные кровати с подъемниками и противопролежневыми матрасами, пандусами и подъемниками). Отсутствие этих приспособлений приносит неудобства не только проживающим гражданам, но и работникам, которым приходится затрачивать гораздо больше усилий и времени при оказании помощи в перемещении и проведении гигиенических процедур. Важна компетентность специалистов и внедрение научных и

методических разработок. Об этом свидетельствует востребованность ГАУСО МО «Комплексный центр социального обслуживания и реабилитации «Журавушка» таких мероприятий, как ежегодные съезды социальных работников, конференции и семинары психологов, куда съезжаются работники социальных учреждений со всего Подмосковья. Программы этих мероприятий включают в себя не только теоретическую часть, но и выполнение творческих заданий, на которых участники обучаются и групповому сотрудничеству и обмениваются опытом работы. Такой формат общения позволяет устанавливать теплые дружеские отношения между специалистами разных учреждений. Они обращаются друг к другу за советами, делятся новыми наработками и т.п. Такой совместный подход к своим профессиональным обязанностям повышает качество оказываемых услуг гражданам.

Происходящие сегодня в России экономические преобразования невозможны без преобразования культуры российского общества. Эти преобразования культуры в равной степени относятся ко всем ее уровням. Учреждения социального обслуживания Московской области могут успешно формировать и развивать корпоративную культуру, основанную на индивидуальном подходе к личности работника, раскрытии его способностей, творческого мышления. Полная включенность работников в данный процесс может принести высокие результаты деятельности учреждений социального обслуживания и повысить качество жизни нуждающихся граждан, помочь им обрести смысл жизни, сделать ее максимально комфортной, безопасной и позитивной. По данным официального сайта, ежедневно в ГАУСО МО «Комплексный центр социального обслуживания и реабилитации «Журавушка» получают социальную и реабилитационную помощь 400 человек. Об эффективности работы свидетельствует то, что 2019 году учреждение включено в Федеральный реестр «Всероссийская книга почета» за высокую эффективность рабочего процесса и внедряемые инновации. Также учреждение стало лучшим в смотре-конкурсе Московской областной организации Общероссийского Профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации на лучшую организацию по охране труда, за достигнутые успехи в работе по предупреждению производственного травматизма, улучшению условий труда и снижению профессиональных заболеваний.

Таким образом, установлено, что специфика деятельности в социальной сфере заключается в сознании, что цель работы не только в материальном вознаграждении и самореализации, но и в помощи нуждающимся людям. Выявлено, что профессиональные ценности формируют корпоративное поведение и общение, уровень образования, культуры, интеллекта, опыта работы в социальной сфере определяют миссию и ценности учреждения, профессиональные корпоративные мероприятия образуют единение коллектива, индивидуальность каждого сотрудника определяет социокультурные

особенности в группах сотрудников, благоприятный социально-психологический климат способствует достижению общих целей.

Учитывая в процессе формирования и развития корпоративной культуры учреждений социального обслуживания Московской области социокультурные детерминанты, можно значительно улучшить эффективность деятельности учреждений, а значит повысить качество жизни получателей социальных услуг.

Библиографический список:

1. Абрамова С.Г. О понятии «Корпоративная культура». М.: Изд. Центр «Академия». 1999. 281 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. Издание 5-е, исправленное и дополненное. Москва: Аспект Пресс. 2010. 363 с.
3. Андреева И.В., Бетина О.В., Кошелева С.В. Социокультурный подход к анализу системы ценностей компании // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2008. Вып.1. С. 77-95.
4. Ансофф И.К. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер. 1999. 416 с.
5. Баринов В.А. Организационное проектирование: учеб. пособие / Под ред. В.И. Видяпина. М.: ИНФРА-М. 2005. 384 с.
6. Бехтерев В.М. Проблемы развития и воспитания человека: Избр. психол. тр. / Под ред. Брушлинского А.В., Кольцовой В.А.; сост. и коммент. В.А. Кольцовой; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК». 1997. 416 с.
7. Быков С.В., Студеникин А.А. Ценности и смысложизненные ориентации персонала как характеристики корпоративной культуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2009. № 1(5). С. 105-115.
8. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. Вильчинская-Бутенко М.Э. Корпоративный досуг как элемент организационной культуры // Вестник СПбГУКИ. 2011. №3. С. 36-39.
10. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник. 3-е изд. М.: Экономистъ, 2003. 528 с.
11. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
12. Гринченко У.Е. Формирование корпоративной культуры в социальных учреждениях [Электронный ресурс] // Экономика, управление, финансы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, февраль 2014 г.). Т. 0. Пермь: Меркурий, 2014. С. 129-131. Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/93/4872/> (Дата обращения: 10.12.2020).
13. Демченко Е.В. О сущности понятия «корпоративная культура» [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 13 (199). С. 227-229. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/199/48967/> (Дата обращения: 17.11.2020).
14. Долгорукова И.В. Корпоративная культура предприятия: соотношение коллективных и организационных ценностей // Гигиена культуры: общий концепт и виды социальной болезни / Отв. редакторы: И. Мадьяри-Бек, Т.Н. Юдина, Т.Ю. Кирилина. Москва, 2016. С. 152-157.
15. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М.: Наука, 1991. 572 с.
16. Еремин Б.Л., Базаров Т.Ю. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин. 2-е изд., перераб. и доп. М: ЮНИТИ. 2002. 560 с.

17. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: учебное пособие [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ФОРУМ, 2020. 496 с. Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1042114> (Дата обращения: 14.01.2021)
18. Кокорина Н.В. Методологический аспект исследования феномена корпоративной культуры // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 2 (20). С. 98-106.
19. Куречка А.Г. Проблематика становления корпоративной культуры // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 6. С. 40-42.
20. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2002. 224 с.
21. Питерс Т., Уотерман Р. мл. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: Альпина Паблишер, 2011. 528 с.
22. Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб.: Издательский дом «Нева», 2015. 217 с.
23. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
24. Фролов С.С. Социология: Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. 256 с.
25. Хасянова М.Г. Значение ценностей в корпоративной культуре // Вестник КемГУКИ. Ч.П.: Философия. 2013. № 22. С. 189-195.
26. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
27. Ширикова М.В. Взаимосвязь ценностно-смысловой и нравственной сферы с представлением о корпоративной культуре // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2011. № 1 (9). С. 39-49.
28. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996. 414 с.
29. Beyer J.M., Trice H.M. Studying Organizational Cultures through Rites and Ceremonials // Academy of Management Review. 1984. № 9. P. 653-669/
30. Deal T.E., Kennedy A.A. Corporate Cultures: The Rites & Rituals of Corporate Life. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Co., 1982. 232 p.
31. Parsons T. The Social System. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. 575 p.

Dolgorukova I.V., Motakova T.V. **Sociocultural determinants of the corporate culture of social service institutions in the Moscow region**

The corporate culture of any organization is based on a special relationship between employees, between employees and customers, the attitude to their work and the organization as a whole, the relationship of the organization with those with whom it interacts. Corporate culture is an important component of social service institutions. The article considers the socio-cultural determinants of the corporate culture of social service institutions in the Moscow region. The directions of its development are revealed.

Keywords: Corporate culture, socio-cultural determinants, values, social services, labor activity

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-79-85

УДК 159.97

Л. А. Фомина

Социально-психологические аспекты социализации детей с нарушениями развития речи

Аннотация:

Статья посвящена исследованию социально-психологических аспектов социализации детей, имеющих нарушения в развитии речи. Дефекты речи у детей рассматриваются как социальная проблема, препятствующая их социальному развитию, осложняющая адаптацию в социуме. Данный феномен обусловлен тем, что нарушение в речевой сфере способствует возникновению других отклонений, таких как двигательные, эмоционально-волевые, личностные, нарушения в познавательной и мотивационной сфере, недоразвитость формирования дифференцированности процессов, а также ограничения вербально-логического мышления. Показано, что недостаточное количество учреждений социального обслуживания для адаптации детей с нарушениями речи в системе социальной работы представляет собой негативный институциональный фактор.

Ключевые слова: дефекты развития речи, нарушения речи, адаптация и социализация детей

Об авторе:

Фомина Любовь Александровна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры социальной работы факультета гуманитарных и социальных наук; эл. почта: diesduo@mail.ru

Актуальность изучения социально-психологических аспектов социализации детей с нарушениями развития речи обусловлена следующими обстоятельствами: во-первых, проблема развития речи у детей идентифицируется не только медицинской, но и социальной, она препятствует развитию ребенка, осложняет его адаптацию и дальнейшее обучение; во-вторых, основу формирования речи составляют психические процессы –

восприятие, воображение, память, что оказывает влияние на формирование личности ребенка.

Речи присуща и неотделима от жизнедеятельности человека, определяясь как важнейшая психическая и коммуникативная функции, осуществляющаяся посредством языка. Отражение мира в человеческом сознании тесно связано с речевым общением и формированием общественного сознания. Смысловые единицы речи формируют не только слова, но и способствуют развитию психических процессов, необходимых для реализации человека в обществе. Л. С. Выготский неоднократно указывал, что развитие мышления и формирование личности неразрывно связано с развитием устной и письменной речи, определяющими механизмы формирования поведения, типичные для изучения условных рефлексов и психологическим подходам их развития. Данную проблему изучала также Р. Е. Левина, выделяя уровни общего недоразвития речи [2, с. 192].

В сущности, каждый ребенок имеет определенные особенности социально-психологического развития, однако, при изучении детей с нарушениями развития речи, выделенные особенности проявляются интенсивнее, а также в большем количественном их проявлении. По этой причине важно проводить четкую демаркацию между детьми «нормальными» и детьми, имеющими нарушения речи, которая систематизирует и обособит детей «проблемных», а также позволит развиваться с учетом того социума и тех условий, в которые оказались помещены. Дети, способные к речи, но имеющие ее недостатки, даже после ее установления, продолжают удерживаться в группе риска. Связан данный феномен с предпосылками образования сложностей в усвоении языка, проявляющиеся в речевых деформациях слов. Игнорирование проблемы развития речи в дошкольном возрасте способствует возникновению сложностей с дальнейшим обучением, и, как следствие, с самооценкой ребенка. Поэтому важно заниматься проблемой его неправильного развития речи при проявлении первых признаков, чтобы дальнейшее развитие ребенка соответствовало норме, социализация в обществе происходила успешно, как с учетом существующих дефектов речи, так и без, основываясь на развитии и воспитании ребенка, а общение со сверстниками было комфортным [6, с. 954-970].

С позиций развития социальных учреждений для детей дефектами речи в системе социальной работы представлена статистика по учреждениям и детям, числящимся и наблюдающимся в них, как по России в целом, так и по Московской области в частности за последние 10 лет. Исходя из статистических данных по росту специализированных учреждений для детей с речевыми дефектами, можно сделать вывод, что количество центров по Московской области с каждым годом растет: 2010 г. – 18 центров, 2015 г. – 180

центров, 2018 г. – 450 центров, 2019 г. – 620 центров [5, с. 53]. Это происходит по причине «предложение-спрос», где на появляющуюся группу детей с дефектами речи создается специальный центр для решения актуальных детских проблем развития.

С точки зрения рассмотрения проблемы недостаточности развития речи у детей, выделяется что это не только медицинская, но и социальная проблема, которая препятствует их развитию, осложняет адаптацию в социуме и представляет сложность для дальнейшего обучения детей. Недостаточность учреждений социального обслуживания для адаптации детей с нарушениями речи в системе социальной работы также составляет негативный фактор их социального развития.

Основополагающая деятельность, рассматривающая детей с нарушениями речи в системе социально-психологического развития, основывается на изучении социально-психологических аспектов социализации детей с нарушениями развития речи. Проведение демаркации между работой с «нормальными» детьми и детьми, имеющими нарушения развития речи, определяется важнейшим компонентом, который необходимо учитывать при коррекционной деятельности. Сравнительный анализ, изучение и обобщение методических данных, а также метод социальной диагностики применимы как в прикладной деятельности в изучении данной проблемы, так и в исследовательской.

Факторы влияния речевых нарушений на психические функции могут выражаться в неустойчивости внимания, трудно поддающемуся равномерному и достаточному распределению. Словесно-логическое и «общее» мышление также отличает детей с нарушениями развития речи от сверстников, особо выражающееся в процессах, связанных с анализом, синтезом, сравнением и обобщением. Нарушения развития речи влекут за собой также нарушения локомоторных функций, обнаруживающихся, как правило, в игровой деятельности и определяющихся в нарушениях координации, ловкости и сниженной скорости. Дети с нарушениями развития речи имеют сниженную реакцию на словесные формулировки, инструкции, обращения, рефлексирова резким негативизмом и агрессивностью. Обидчивость, а также нежеланием общаться и устанавливать контакты сопровождаются неуверенностью в себе, развившейся в следствии нарушений речи.

Дети, имеющие отклонения в развитии речи, также подвержены другим нарушениям, в том числе двигательным. Такие дети отличаются неспособностью держать равновесие, нарушением координации движений, недифференцированностью движений пальцев рук и других артикуляционных движений. По этой причине дети быстро устают и истощаются, пересыщаясь любым видом трудовой или даже игровой деятельности. Данное негативное последствие влечет по цепочке за собой последующее. Ребенок с дефектом

развития речи более раздраженный, по сравнению со сверстниками, обладает повышенной возбудимостью, не может спокойно усидеть на одном месте, его внимание расфокусировано, что заметно по дерганию ногами или тереблению чего-либо в руках. Постепенно происходит нарушение познавательной деятельности, вследствие чего проявляется низкая умственная работоспособность. Такой ребенок не устойчив эмоционально, вследствие чего его настроение быстро и резко меняется, и могут возникать приступы агрессии, беспокойства. Иногда возникает заторможенность и вялость, но это проявляется немного реже, по сравнению с вышеперечисленными расстройствами. Утомление ребенка с нарушениями развития речи накапливается, сначала это происходит к концу дня, а затем к концу недели [7, с. 511-528]. Это приводит к следующим негативным последствиям. Может появиться или усилиться головная боль, вялость либо повышенная возбудимость, возникают нарушения сна. Сохранить усидчивость, работоспособность ребенку становится трудно из-за проявляющихся эмоциональных качелей, по общим признакам поведение ребенка с дефектами развития речи схоже с поведением ребенка с синдромом СДВГ [3, с 52-56].

Помимо агрессии ребенок может проявлять невротические реакции в ответ на замечания эмоциональной реактивности. Поведение ребенка также может характеризоваться негативизмом, агрессией и обратным им повышенной застенчивостью, пугливостью и нерешительностью.

По причине нарушений речи, сложившиеся ограничения вербально-логического мышления, воображения и памяти, обуславливают отклонения в эмоционально-волевой и личностной сферах. Это может в большей степени усугубить нарушения развития речи у ребенка. Отличительные черты недоразвитости формирования мотивационной сферы и дифференцированности процессов познавательной сферы выражаются в недостаточной концентрации, устойчивости внимания, недоразвитости моторики, а также создают затруднения личностной сферы, связанные с пространственными сложностями. Также присутствуют нарушения восприятия формы различных предметов и слабость пространственных представлений.

Постепенно становятся заметны нарушения самоорганизации. Недостаточный объем сведений об окружающем мире не позволяет ребенку чувствовать себя комфортно. При получении задания он либо очень быстро приступит к его выполнению, не имея даже достаточной информации и других важных элементов, необходимых в работе, либо же ребенок до последнего вяло будет реагировать на данную просьбу, не предпринимая

попыток к выполнению задания, что связано с трудностями овладения синтезом, анализом и сравнением.

Несформированность форм коммуникации, незаинтересованности в общении и неумении ориентироваться в ситуациях взаимодействия с социумом обуславливаются бедностью словарного запаса. Отклонения в эмоционально-волевой сфере, что чаще проявляется у детей с тяжелыми речевыми расстройствами, означают, что у ребенка не сформированы интересы, понижена наблюдательность и мотивация, развита неуверенность в себе даже в условиях повышенной раздражительности, агрессивности и обидчивости. Это влечет к трудностям налаживания контактов со сверстниками [1, с. 178-181].

Трудности формирования самоконтроля также негативно сказываются на формировании личности ребенка. Часто такие дети переоценивают собственные силы и возможности, ошибочно оценивая свое положение в группе. При этом наблюдается стремление к лидерству, но при встречающихся трудностях ребенок реагирует негативизмом и раздражительностью, отказываясь от дальнейших действий. А от деятельности, в которой он может почувствовать свою несостоятельность, ребенок легко отказывается, не предпринимая попыток совершенствования своих навыков. В основе данного поведения лежит конфликт между притязаниями к себе и собственной неуверенностью.

Пониженная способность восприятия различий физических характеристик и их значений, связанных с элементами языка, заключенных в лексико-грамматических единицах, ограничивает комбинаторные возможности детей с нарушениями развития речи, их способности, необходимые для использования конструктивных элементов в процессе построения речи [4, с. 241-243].

С учетом особенностей психического развития детей с дефектами речи, важно учитывать специфику коррекционной работы. Должно проводиться комплексное обследование. Так, с учетом необходимых требований, способствующих коррекции или устранению дефектов речи, которые могут быть, как врожденными, так и приобретенными, специализированные комплексные центры соблюдают определенные правила и организуют специальную деятельность. Физическая нагрузка, учитывающая особенности возраста и состояние здоровья, упражнения на крупную и мелкую моторику, а также логопедические и развивающие логику упражнения, способствуют выздоровлению детей с дефектами развития речи. Однако, учитывая определенные системные особенности и возможные возникающие проблемы, занятия должны проводиться как групповые, так и индивидуальные. Данное структурирование деятельности, с точки зрения аксиологической

модальности, развивает в ребенке не только объективное отношение к сложившейся его ситуации, но и помогает социализироваться в установленных учреждениями условиях с учетом индивидуальных психосоциальных особенностей.

В заключение можно выделить то, что проблемы неправильного развития речи у ребенка рассматриваются с точки зрения биологических, функциональных нарушений, которые имеют различную специфику построения деятельности по коррекции или устранению дефектов речи, препятствующих социализации таких детей.

Комплексная работа в специализированных учреждениях имеет большое значение в коррекционной работе, способствующей успешной социализации детей с дефектами развития речи. Психосоциальные и локомоторные особенности таких детей подлежат коррекции, в случае если полное их устранение невозможно. Обобщая вышеупомянутое, недостатки развития речи, врожденные или приобретенные, выражающиеся в проявлении агрессии, замкнутости, раздражительности, осложняют процесс взаимодействия с социумом, создавая неблагоприятный психологический фон. Данный феномен может способствовать изменению личности ребенка, посредством отстраненности, утрате социальных связей и ролей. Знание и выявление причин нарушения развития речи является важным фактором в коррекционной работе, способствующим своевременному устранению и преодолению речевых расстройств, что необходимо для полноценного развития ребенка.

Библиографический список:

1. Беспаленко Е.М. Прагмалингвистика как средство диагностирования личностных качеств человека // Молодой ученый. 2017. № 46. С. 178-181.
2. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр.соч. М.: Педагогика, 1963. Т.3. С. 192-220.
3. Заркенова Л.С., Ильясова Б.И. Определение уровня сформированности фонематических процессов у дошкольников с фонетико-фонематическим недоразвитием речи // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 1. С. 52-56.
4. Китаева И.И. Развитие речи дошкольников как основного механизма мышления // Молодой ученый. 2020. № 7. С. 241-243.
5. Левина Р.Е., Никашина Н.А. Основы теории и практики логопедии. М: Просвещение, 1967. С. 53-125.
6. Morgan L., Marshall J., Harding S., Powell G., Wren Y., Coad J., Roulstone S. It depends: Characterizing speech and language therapy for preschool children with developmental speech and language disorders // International journal language community. 2019. Vol. 54. № 6. P. 954-970.
7. Whitehouse J.O., Watt H.J., Line E.A., Bishop V.M. Adult psychosocial outcomes of children with specific language impairment, pragmatic language impairment and autism // International journal language community. 2009. Vol. 44. № 4. P. 511-528.

Fomina L.A. Socio-psychological aspects of socialization of children with speech disorders

This article is devoted to the study of the socio-psychological aspects of the socialization of children with speech disorders. Speech defects in children are considered as a social problem that hinders their social development, complicating adaptation in society. This phenomenon is due to the fact that a violation in the speech sphere contributes to the emergence of other abnormalities, such as motor, emotional-volitional, personal, disorders in the cognitive and motivational spheres, underdevelopment of the formation of differentiation of processes, as well as limitations of verbal-logical thinking. It is shown that the insufficient number of social service institutions for the adaptation of children with speech disorders in the system of social work is a negative institutional factor.

Keywords: speech developmental defects, speech disorders, adaptation and socialization of children